

Вайделот

Автор:

Виталий Гладкий

Вайделот

Виталий Дмитриевич Гладкий

Исторические приключения (Вече)

Вайделотами в древности называли языческих жрецов балтийских племен – жемайтов, ятвягов, кривичей, пруссов, латгаллов. Вайделоты были хранителями тайных знаний, защитниками своих народов и посредниками в отношениях с богами-покровителями... Однажды, жарким полднем 1220 года вайделот дайнавов нашел на капище бога Еро младенца. Мальчика приняли в племя, воспитали как настоящего воина и охотника и дали ему имя Скуманд – Небесный Муж. Так и прожил бы он, возможно, обыкновенную жизнь, но пришли в земли дайнавов жестокие люди с запада – рыцари Тевтонского ордена, вознамерившиеся покорить лесных жителей. И пришлось Скуманду и его верному другу, русу Воиславу, встать на защиту родной земли!..

Виталий Гладкий

Вайделот

Пролог

Летние месяцы в начале третьего десятилетия XIII века от Рождества Христова на всей территории от берегов Балтийского моря до Буга, сплошь покрытой дремучими лесами, выдались очень знойными. Большие полноводные реки,

питаемые бесчисленными ручьями и речушками, которые прорезывали во всех направлениях лесные массивы, стали пересыхать, и по окраинам прежде непроходимых топей, на открытых пространствах, где росла высокая сочная трава, начали пастись стада оленей, зубры и даже чрезвычайно осторожные туры, которые редко покидали лесные дебри. Спасаясь от бескормицы, травоядные звери нередко забирались даже в глубину болот, что было чревато трагическими последствиями – коварные трясины поджидали их там на каждом шагу.

Прежде в весенне-летний период дождей было много, деревья росли быстро, достигая гигантских размеров, и поваленные бурей великаны образовывали непроходимые дебри. Буреломы вставали стеной перед охотниками и служили зверям превосходной защитой от людей – разнообразные животные и птицы плодились в лесу в невероятных количествах. В весенние разливы все это пространство превращалось в огромное пресноводное море, поросшее вековыми дубами, елями и соснами, а над ним неприступным островом высилась Пуща; она никогда не затапливалась. Обычно лесные обитатели укрывались здесь от половодья.

В дни большой воды в Пуще бурлила жизнь, которую трудно было представить более-менее цивилизованным племенам, живущим на берегах Вендского моря[1 - Вендское море – так в Средние века называли Балтийское море; а еще Морем Ругов (русов-рутенев).]. В брачный период древние леса днем и ночью оглашала перекличка многочисленных зверей; странные звуки – рев, хрип, вой, рык, вопли – неслись со всех сторон, заставляя вздрагивать даже видавших виды охотников с побережья, если им удавалось пробраться хотя бы на окраину Пущи. Идти дальше, в глубь чащоб, редко кто отваживался; это было смерти подобно.

Если чужака не загрызал какой-нибудь хищный зверь или не растоптывал дикий бык, то его в любой момент могла настичь стрела, пущенная из кустов твердой рукой размалеванного дикаря из древнего племени, название которого никто уже и не помнит. В Пуще жило и одно из племен ятвягов[2 - Ятвяги – один из наименее изученных народов на территории Восточной Европы; он входил в балтийскую группу народов вместе с аукштайтами, жмудью, земгалами, пруссами, скальвами, надравами, галиндами, куршами и латгалами. Часть этих народов впоследствии сформировала литовско-белорусский этнос, часть – латышский.]– дайнава. Территория расселения ятвяжских племен – полешан, судавов и дайнавов – называлась Судовией. С юга ее ограничивали ятвяжские болота, на западе – Большие Мазурские озера, на востоке – река Неман, а на

севере – Пуца, раскинувшаяся по среднему течению реки Шешупы вплоть до Немана. Рассмотреть мелкие ятвяжские селения, разбросанные по Пуце на большом расстоянии друг от друга, как островки в море, только не в синем, а в зеленом, можно было только с большой высоты.

Лишь осторожная звериная лапа да нога ятвяга могли добраться до таких селений. Подобно кунице или белке, идущей верхом по веткам деревьев, прыгая с бугорка на кочку, с кочки на пенек или на корень дуба-великана, пробирались ятвяги звериными тропами от селения к селению. Вести войну в такой местности значило перебрасывать мосты, осушать болота, насыпать гати... словом, прежде всего, покорять природу. Но редко кто отваживался на это. Счастливыми были те времена для зверя, сильна была природа, великая глушь царила в древней Пуце.

Тем не менее входившие в силу киевские князья, покорив племена дреговичей, пошли далее на запад, где столкнулись, с одной стороны, с ляхами, а с другой – с ятвягами и литовцами. Чем закончился этот первый натиск славян, шедших с приднепровских равнин и высот в неведомый им лесистый и болотистый край, в вековую Пуцу, история не дает ответа. Скорее всего, завершился он бесславно. Затем начались более удачные походы князя Владимира Святославича. Он тысячами уводил ятвягов в полон, облагал их большой данью, а на месте истребленных лесов поселял своих людей.

По примеру князя Владимира, покорением западного края занялся и князь Ярослав Мудрый. Однако на этот раз племена ятвягов оказали более энергичное и мощное сопротивление. Конечно, сила уступила большей силе, но, хоть и побежденные, они отказались платить дань, а родные леса и болота надежно укрыли их от княжеского гнева и неминуемого наказания.

Государи Европы тоже не раз предпринимали попытки покорить племена ятвягов и обратить их в христианство. Однако озлобленные набегами рыцарей-меченосцев и постоянной угрозой со стороны польских князей, ятвяги отвернулись от христианства, убили крещеных соплеменников и разорили пограничную Хельмскую землю, Мазовию и Восточное Поморье. Постоянные набеги племен Судовии представляли опаснейшую угрозу для Польского государства, и папа Гонорий III в 1219 году призвал к крестовому походу против ятвягов и пруссов. Но уже в 1223 году большинство крестоносцев покинуло регион, чем немедленно воспользовались ятвяги и пруссы, вновь опустошившие Хельмскую землю и Мазовию.

И тогда на прибалтийскую сцену выступил Тевтонский орден[3 - Тевтонский орден – полное название «Орден дома Святой Марии Тевтонской в Иерусалиме», известен также как «Орден крестоносцев»; немецкий духовно-рыцарский орден, учрежденный в 1190 г. в Акре, где паломники из Любека и Бремена создали госпиталь, вскоре перешедший под патронат немецкой церкви Св. Марии в Иерусалиме. В 1196 г. крестоносцы императора Генриха VI преобразовали госпитальное братство в рыцарский орден, открытый только для немцев. Орден был подвластен папе римскому и императору Священной Римской империи, имел большие земельные владения в Германии и Южной Европе. В начале XIII в., после объявления Северного крестового похода, орден перебазировался из Палестины в Прибалтику.]. Изгнанный из Трансильвании, он остро нуждался в новых землях. В 1226 году Фридрих II, император Священной Римской империи, выпустил буллу, предоставлявшую ордену свободу действий в Прибалтике. Перед началом похода рыцари ордена подписали с поляками в 1234 году соглашение, по которому тевтонцы получали во владение Хельмскую землю и все территории, которые они смогут отвоевать у ятвягов и собственно пруссов. Хельмская земля согласно договору становилась временной базой дислокации орденских войск и плацдармом для дальнейшего наступления на балтские племена[4 - Балты – балтийские (балтские) племена. Заселяли в I–II тыс. н. э. территории от юго-запада Прибалтики до Поднепровья и междуречья Москвы и Оки. До начала нашей эры составляли вместе со славянами балто-славянскую этноязыковую общность. Западные балты – пруссы, ятвяги; племена центральной группировки балтов – курши, земгалы, селы, латгалы (предки латышей), жемайты и аукштайты (предки литовцев). Восточные балты – голядь, племена Верхнего Поднепровья и др., ассимилированные восточными славянами; вошли в состав древнерусской народности на рубеже I–II тыс. н. э.]. Однако Тевтонский орден имел гораздо более масштабные планы, нежели те, которые он провозглашал перед прибытием в польские земли...

* * *

В один из жарких июньских дней 1220 года в глубине Пущи по едва приметной тропинке, которая змейкой вилась среди вековых дубов, шел седой старик. Одет он был в длинную, почти до пят, черную тунику, обшитую белой тесьмой и застегнутую сверху донизу витым кожаным ремешком, который украшали кисти из бычьих хвостов. Его широкий пояс был белым, из ткани тонкого плетения. За поясом у старца торчал нож с широким темным лезвием и деревянной рукояткой, но оружием его можно было назвать лишь с большой натяжкой – он

был неотъемлемой частью любой трапезы.

Старик носил пышные усы, а свои длинные седые волосы он сплел в косицу, чтобы удобней было пробираться сквозь густые заросли. Смуглое лицо лесного жителя покрывали морщины, свидетельствующие, что ему уже много лет; тем не менее его удивительно ясные серые глаза смотрели по-молодому остро и пылливо. Он был явно чем-то озабочен, потому что хмурился и время от времени отрицательно качал головой, словно не соглашаясь с обуревавшими его мыслями.

Неожиданно старец резко остановился, словно наткнулся на невидимую стену. Задумавшись, он не заметил огромного медведя, который решил полакомиться муравьями. Обычно медведи делали это ранней весной, когда выбирались из берлог и голод заставлял их питаться всем более-менее съедобным, что только попадалось у них на пути. Но этому хозяину Пущи, похоже, нравился запах рассерженных муравьев и кислинка муравьиного яда, приятно щиплющая язык. Большой муравейник находился рядом с тропой, и медведь, усевшись, как человек, на крохотную полянку, совал в кучу свою мохнатую лапу, и когда муравьи облепляли ее, облизывал, при этом смешно причмокивая.

Для него появление человека тоже было неожиданностью. Медведь – чуткий зверь, у него сильно развиты слух и обоняние. Тем не менее отработанная годами тихая и легкая походка лесного жителя, на ногах которого были поршни, сшитые из беличьих шкурок мехом внутрь, обманули органы его чувств, и сейчас медведь не знал, что делать – убежать или напасть на нежданного нарушителя спокойствия. Медведь был сыт, убивать без нужды ему не хотелось, но кому понравится, когда кто-то нагло прерывает его трапезу?

Он обнажил свои внушительные клыки и тихо зарычал. В конечном итоге медведь решил, что повелителю Пущи спасаться бегством от безоружного человека постыдно, однако и нападать не спешил – что-то его сдерживало. От старика волнами распространялся не страх, который обычно сопровождал охоту на медведя, дикого кабана, оленя или даже воинственного тура, а нечто иное, какая-то неведомая сила, изрядно смущавшая зверя.

Глядя прямо в маленькие глазки медведя, налитые злобой, старик тихо запел. Он не сдвинулся с места ни на шаг, его руки висели вдоль туловища плетями, шевелились только губы. Мелодия, которую он напевал, была стара, как сам мир. Он получил ее в наследство от своего деда, а тот, в свою очередь, от древних

пращуров. Глаза медведя постепенно утратили хищный блеск, стали сонными, воинственность сменилась вялым равнодушием, и в какой-то момент он примирительно заурчал, обернулся и неторопливо потопал в лесную чащу.

Старец перевел дух и смахнул со лба капельки пота – старинные заклинания отнимали слишком много сил. Постояв некоторое время, глядя вслед хозяину Пущи, он коротко вздохнул (при этом на его строгом лице, словно вырезанном из темного камня, появилось подобие улыбки) и пошел дальше. Вскоре тропинка, явно протоптанная среди дубравы не лесным зверьем, а ногами человека, вывела старца на поляну, имевшую форму почти правильного круга. По краям она была ограничена мелкими камнями вперемешку с деревянными фигурками каких-то идолов (были вырезаны только головы, притом очень грубо), а посередине лежал огромный плоский Камень высотой в два с половиной локтя [5 - Локоть – старинная единица измерения длины, не имеющая определенного значения и соответствующая расстоянию от локтевого сустава до конца вытянутого среднего пальца руки; примерная длина 1 локтя = 45–50 см.] в виде человеческой фигуры с углублением в животе.

Это была одна из главных святынь племени дайнава, самая большая их тайна. О Камне не знали даже другие племена ятвягов. Камень не был жертвенником, к нему не приносили дары – они здесь не были нужны. Главным для любого человека, который приходил сюда (обязательно в сопровождении жреца и с завязанными глазами, чтобы не запомнил дорогу), была его чистая совесть и добрые мысли. В углублении на Камне в любое время года – даже в самую большую сушь – скапливалась влага, которая, как утверждали жрецы племени, исцеляла от любых болезней. Старец тоже был жрецом – вайделотом [6 - Вайделот – общее обозначение языческих жрецов у балтских народов (ятвягов, пруссов, литовцев, латышей), распространившееся позже и в других языках. В источниках встречаются названия многих разновидностей вайделотов: вуршайты (жрецы непосвященные), лингусоны и тулусоны (погребальные жрецы), швальгоны (свадебные жрецы), путтоны (гадальщики по воде), пустоны (лечили дуновением), вейоны (прорицатели по ветру), жваконы (прорицатели по пламени и дыму), сейтоны (прорицатели по амулетам), зильнеки (прорицатели по полету птиц), звайждиники (астрологи), вилкаты (оборотни, волколаки) и пр.] – и знал, что молва не врет; но лишь в той мере, которая касалась некоторых хворей. А в остальном требовались самые обычные знахарские приемы: заговоры, различные отвары из трав и корней, лечение примочками и припарками и много чего другого.

Камень больше исцелял не влагой, скапливающейся в углублении, а надеждой на исцеление. Вайделоту это было очень хорошо известно. Тем не менее Камень и впрямь обладал огромной энергией, и старец ее чувствовал. Когда он подходил к нему, у него даже волосы на голове начали шевелиться, хотя на поляну, окруженную дубами-исполинами, ветер никогда не залетал.

Вайделот, главный жрец племени дайнава, был сильно озадачен. Сегодня, прямо с утра, он стал ощущать странное беспокойство, которое вскоре переросло в беспричинную тревогу. Его вдруг сильно потянуло к Камню; с чего бы? Старик мысленно обследовал свое тело и успокоился на предмет болезней; ему уже минуло пятьдесят зим, а он до сих пор легок в ходу и ничем не хворал, разве что кости начинали ныть в сырую осеннюю погоду. Но для избавления от этой напасти нет ничего лучше одеяла из барсучих шкур. А чтобы оставаться вполне здоровым как можно дольше, старик растирал тело медвежьим жиром и пил пенный мёд, настоянный на разных целебных травах.

Тогда в чем дело? Немного посопротивлявшись влечению к Камню, – он находился в Священной Роще, и идти к нему было далековато, а годы все же брали свое, – вайделот все же встал на Тропу, по которой могли пройти только Посвященные. Она представляла собой множество хитрых тропинок, собранных в настоящий лабиринт, и могла увести человека в такие дебри, откуда ему самостоятельно было не выбраться. Никто из членов племени не имел права приближаться к Камню без жреца-сопровождающего; это было опасно – человек мог просто сойти с ума.

Вайделот заглянул в углубление и с удовлетворением хмыкнул – несмотря на изнуряющий летний зной, в нем блестело озерцо священной воды. Он аккуратно обмакнул пальцы в удивительно прохладную воду и омыл лицо; это был обязательный ритуал. И тут жрец услышал какой-то посторонний звук. Тишина возле Камня стояла мертвая, даже птицы облетали стороной это место, поэтому любой шорох, даже самый тихий, ударял по нервам, словно точильный камень по клинку меча.

Старик заглянул за камень и от неожиданности отпрянул назад с удивительным проворством. Он был ошеломлен: там лежал завернутый в пеленку младенец, а над ним стояла волчица! Она смотрела на жреца каким-то странным взглядом, не проявляя никакой враждебности, что уже было необычно. Но самым странным было то, что она принадлежала к древней породе волков, которые не водились даже в Пуще, где сохранились большие массивы первобытного, не затронутого

человеческой деятельностью леса. Вайделоту довелось видеть таких волков только в раннем детстве, всего один раз, и с той поры он больше их не встречал. Собственно, как и охотники племени дайнава; а уж они забирались в самые отдаленные уголки Пущи. И не потому, что вблизи не хватало дичи, а из обычной человеческой любознательности.

Волчица оказалась огромной, ростом в добрых два локтя, с мощными, почти медвежьими лапами и широкой мускулистой грудью. Древние волки отличались от тех, что бегали по Пуще, не только большими размерами, но и цветом шерсти – в любое время года он был светло-серый, почти белый.

Знающие люди рассказывали, что эти волки в незапамятные времена забрели в Пущу из северных территорий, покрытых льдами, да так и остались в местных лесах, благо пищи для них здесь хватало. Но когда Пуща начала заселяться, они исчезли – или вернулись на север, или перестали плодиться и вымерли.

Вайделот знал, что именно древние волки сопровождают бога Еро[7 - Еро – то же, что и славянский бог Ярило; Еро – бог весны, ярый бог пробуждающейся природы и вешнего света, воплощающий ее плодородные силы.] – Солнцеликого, когда он спускается на землю. Но что за ребенок лежит возле лап волчицы и какой знак бог Еро этим подает? А то, что дитя появилось возле Камня вовсе не случайно, в этом у жреца не было ни малейшего сомнения. Не зря этой ночью его тревожили странные сны, а с утра овладело беспокойство и желание навестить Священную Рощу племени дайнава.

Волчица тихо и совсем не враждебно зарычала – словно попрощалась, развернулась и легкой трусцой удалилась в лес. Старик подошел к маленькому свертку, развернул его и увидел, что это мальчик – розовый и крепенький. Он был не менее двух месяцев от роду. Дитя агукнуло и улыбнулось, что еще больше добавило изумления – во рту ребенка белели зубы! И не один или два, а как положено, – на верхней и нижней челюсти. Правда, положено для годовалого ребенка, а не для сосунка.

Похоже, младенец был накормлен, потому что не плакал, а с азартом махал ручками и сучил ножками. При этом на его круглом румяном личике ясно проявилось выражение восхищения, которое не встречается у детей такого возраста.

Старик какое-то время задумчиво наблюдал за младенцем, а затем решительно взял его на руки и, вознеся молитву богу Еро, окропил мальчика священной водой из углубления в камне. Когда он это сделал, вдруг раздался волчий вой, да такой звучный, что вайделот невольно вздрогнул, а мальчик снова заулыбался. Видимо, это было последнее «Прощай!» странной волчицы. Покачав головой – ну надо же... – старик прижал к груди теплое тельце ребенка и направился к Тропе.

Глава 1

Танцующий лес

Лес шумел тревожно, предостерегающе. Даже веселый птичий гомон не мог избавить мальчика, который тенью скользил среди высоченных деревьев, от сильного волнения. Ему минуло двенадцать лет, но он выглядел старше своего возраста. Ладно скроенное тело было сильным, мускулистым, его ноги не знали усталости, а острые зеленые глаза подмечали малейшие изменения в окружающей обстановке. Из одежды на нем была подпоясанная тонкой веревкой льняная рубаха и узкие штаны, на ногах курпы – полусапожки, плетенные из липового лыка, а в руках мальчик сжимал вполне серьезное оружие – короткое копье с широким железным наконечником в виде узкого древесного листа. У пояса с правой стороны висел нож в простых кожаных ножнах, а с левой – небольшая холщовая сумка, предназначенная для разных житейских мелочей.

Мальчика звали Сирви – Олень. Это было не имя, а прозвище, которое дали ему за быстроту ног, когда мальчику исполнилось восемь лет. До этого его называли «Тот, кого подарил Еро». Люди из селения, где он жил, относились к мальчику с некоторой опаской и не рискнули давать ему имя до того времени, пока это не сделают боги. Именно сейчас Сирви и стремился узнать, как его зовут. Для этого нужно было четверо суток пробираться через дебри в Танцующий Лес.

Этот священный Лес так называли в глубокой древности за то, что стволы деревьев там росли не прямо, а закручивались в кольца. Вайделоты утверждали, что среди этих деревьев есть врата в мир духов. Считалось, что прошедшие через кольца «танцующих» деревьев могут избавиться от болезней и вернуться в мир здоровыми, а в некоторых случаях и обретшими сверхъестественные силы.

Но была у Танцующего Леса и еще одна важная задача – он давал мальчикам, будущим воинам племени дайнава, Имя. Они должны были пройти через древесные кольца, а затем сейтоны – жрецы-гадальщики, – разбросав по земле косточки птиц, камешки и чурки, благодаря божественной подсказке определяли, кто есть кто.

Для мальчика из племени дайнава провести трое суток в лесу, полном опасностей, не была трудной задачей. Он мог бродить в лесных дебрях неделями, правда, не сам, а с опытными охотниками, которые натаскивали мальчишек, как щенков, чтобы они стали в будущем удачливыми добытчиками. Однако на этот раз все выглядело несколько иначе – за Сирви, как и за его одноклассниками, которые тоже отправились в Танцующий Лес за именами, шли лучшие следопыты племени. Задачей мальчиков было сбить охотников со следа, иначе взрослые схватят их и они так и останутся безымянными до следующего года, что считалось постыдным, а для следопытов погоня была чем-то вроде соревнования, так как победителей (тех, кто сумеет поймать мальчишек) ждала награда – бочонок лучшего мёда от старейшин племени и сытное угощение.

Сирви решил схитрить. Он не пошел к Танцующему Лесу по прямой дороге, как это обычно делали соискатели Имени, а за селением сразу же свернул налево и вышел на каменную гряду, на которой следы читались с большим трудом. По камням Сирви добрался до неглубокой речушки, долго шел по ней вброд (это было нелегко, да и времени заняло немало, больше, чем он рассчитывал), а когда выбрался на берег, перед ним узкой лентой расстелился луг. И Сирви стал навестывать упущенное.

Его не зря прозвали Оленем. Он мчался, словно ветер, перескакивая с кочки на кочку, и длинные волосы мальчика – светло-русые, с рыжинкой, – летели вслед за ним, как языки пламени. Ни один охотник племени дайнава не смог бы за ним угнаться. Сирви не боялся, что оставит свои следы на луговине; их еще нужно было отыскать. А на это требовалось время, за которое он будет далеко от этих мест.

Но теперь он пробирался по лесу. Сирви ни в коей мере не думал, что взрослые следопыты племени глупее двенадцатилетнего мальчика. Они вполне могли разгадать его замысел и не пойти по следу, а, обогнав, устроить впереди засаду. Сирви надеялся лишь на то, что охотники не настолько быстры, чтобы соревноваться с ним в беге наперегонки, да еще по лесным дебрям. В том, что они его найдут, Сирви совершенно не сомневался; уж он-то знал, кто идет по его

следу – сам Войшелк, лучший охотник племени, бывалый воин, о котором слагали легенды. Он мог прочесть даже след змеи на воде.

То, что за ним идет такой знатный следопыт и воин, было для Сирви большой честью. И он поклялся добиться своей цели любой ценой...

Конечно же Войшелк разгадал хитрый замысел Сирви (правда, не сразу, а потратив на это немало драгоценного времени). Он шел за ним не один, а с охотником по прозвищу Рыжий Лис. Хитрее его в племени дайнава не было, и Войшелк очень надеялся на помощь Лиса и совет. В том, что погоня за Сирви будет нелегкой, Войшелк знал точно. Этот странный ребенок, которого волчица принесла к Священному Камню, уже двенадцать лет будоражил воображение дайнавов. Поначалу даже были предложения бросить младенца в омут – больно уж странным и необъяснимым было его появление. Как бы чего не вышло, вдруг младенец не дар бога Еро, а козни темных сил. Но вайделот Павила, который нашел мальчика, резко воспротивился такому намерению.

Он сказал, что берет дитя на воспитание, и если заметит, что в нем есть нечто, способное угрожать дайнавам, то он первым лишит его жизни – отправит на жертвенный камень. Павила был слишком авторитетной фигурой, чтобы спорить с ним, и старейшинам, которые предлагали избавиться от ребенка, пришлось уступить. Найденышу быстро нашли мамку-кормилицу, и он с удовольствием, жадно присосался к пышной груди Расы, приятной женщины, которая вскоре стала считать его своим ребенком.

То, что дитя принесла волчица, для племени дайнава не было чем-то из ряда вон выходящим. Такие вещи случались и раньше: волки воровали человеческих детенышей, и когда все уже считали их пропащими, они вдруг объявлялись спустя год-другой вполне здоровыми и крепкими, но со звериными повадками. Обычно их находили охотники, и им приходилось прикладывать немало усилий, чтобы отбить человеческого детеныша у волчьей стаи. Но долго такие дети среди людей не заживались. Они или умирали вскоре, или уходили снова в лес – перевоспитать их было невозможно.

Старейшины уступили Павиле именно из этих соображений. Они были уверены, что ребенок – не жилец на этом свете. А если все-таки выживет, то все равно сбежит в Пущу, к волкам.

Но они ошибались. Ребенок рос очень быстро – спустя полгода после появления в селении встал на ноги, а еще через два месяца начал разговаривать. Он был очень смышленным и схватывал лесную науку на лету. Понятно, что к его воспитанию приложил руку Павила, славившийся среди племен ятвягов своей ученостью и большими познаниями в знахарстве. Но и он иногда удивлялся уму и понятливости найденыша. Когда ребенку исполнилось шесть лет, к нему приставили одного из лучших охотников племени в больших годах по имени Галт, чтобы он обучил мальчика разным охотничьим премудростям, без которых в Пуще не прожить.

Теперь пришла очередь удивляться старому охотнику, который уступал в славе лишь Войшелку. Юный отрок чувствовал природу как никто другой. А когда однажды, к ужасу Галта, он совершенно безбоязненно подошел к огромному медведю (старик уже посчитал мальчика мертвецом; история случилась весной, когда голодный после долгой зимней спячки хозяин Пущи не особо выбирал харчи и вполне был способен полакомиться человечиной), зверь вдруг развернулся и поторопился уйти. Это было сродни чуду. С той поры Галт уверовал, что мальчика дайнавам точно подарил сам бог Еро.

Он не мог знать, что едва ребенок стал кое-что соображать и разговаривать, Павила стал готовить его в свои преемники и передавать ему сокровенные тайны вайделотов. Среди них были и те, что предполагали общение с животными. Конечно, звери не знали человеческой речи, но вайделоты могли воздействовать на них особыми магическими приемами, чтобы животное видело перед собой не страшного врага, а друга, и проникалось к нему доверием. Эти знания особенно были нужны малым детям, которые не знали страха и могли поплатиться за это жизнью.

Иногда Павила устраивал целые представления на берегу близлежащего озера, чтобы утвердить в сознании соплеменников свою значимость. Для этого он изготовил специальный свисток, выдающий мелодичные трели, и при большом стечении народа (обычно в голодные времена) начинал насвистывать мелодию, состоящую из длинных, тягучих звуков. Спустя какое-то время его помощник – из жрецов более низкого ранга – выхватывал из воды подсаком здоровенную рыбину, которая сама пришла к берегу; так продолжалось до тех пор, пока не наполнится большая корзина.

Это было чудо. Голодные люди готовы были молиться на вайделота как на божество, а он лишь хитро ухмылялся, когда оставался в одиночестве. Павила,

главный жрец племени, уже давно объявил озеро священным, рыбу в нем мог ловить только он один, и лишь в тяжелые для племени времена, и никто не знал, что вайделот подкармливает ее, при этом подзывая с помощью свистка.

У Павилы не выходила из головы пеленка, в которую завернули мальчика. Он забрал ее себе и хорошенько рассмотрел. А когда понял, что она является частью одеяния жрицы богини Прауримы[8 - Праурима – богиня, хранительница домашнего очага у прибалтийских племен; соответствовала греческой Гекате, римской Весте, славянской Жели и индийской Соме.], то пришел в великое смятение.

Святылище богини, в котором горел Вечный Знич – огонь богов – и который жрицы-вайделотки обязаны были поддерживать в любое время года и при любой погоде, находилось в двух днях пути от селения племени дайнава, на морском берегу. Вайделотки пользовались в народе особым уважением; их называли «святыми девами» и обычно они избирались из знатнейших родов, причем жрецы отбирали только очень красивых. На них заглядывались многие воины и даже князья, но вайделотки обязаны были хранить непорочность до зрелого возраста, после чего, оставив храм богини Прауримы, они могли выходить замуж. Те же из них, которые желали посвятить служению богам всю свою жизнь, в зрелом возрасте уходили из храма, удаляясь в уединенные, пустынные места, где занимались предсказаниями и ворожбой.

Нарушение обета целомудрия осуждалось на жесточайшую казнь. Обнаженных вайделоток-грешниц распинали между двух деревьев и сжигали заживо или закапывали в землю. А иногда их зашивали в мешок вместе с камнями, котом, собакой и змеей и бросали в реку.

Существовала легенда о вайделотке, осужденной на казнь через утопление в реке. Ее везли на двух черных коровах, запряженных в грязную телегу. Неожиданно появился неизвестный витязь в светлой броне, освободил вайделотку и под страхом оружия приказал жрецам совершить прямо на берегу реки свадебный обряд. После этого странная чета обнялась и бросилась с обрыва в воду. На том месте, где они скрылись с глаз, начала бурлить вода, и это бурление продолжается до сих пор. Некоторые рассказывали, будто видели вайделотку и витязя при полной луне. Они выходят на берег в сопровождении ребенка и поют песни на странном, неизвестном языке. А рыбаки, в свою очередь, говорят, что во время ночной рыбалки в тех местах им слышится мяуканье кота, лай собаки и шипение змеи.

Павила был слишком знающим человеком, чтобы верить в разные байки; но пеленка поставила его в тупик. Похоже, одна из вайделоток – хранительниц священного огня богини Прауримы – все-таки согрешила, а значит, достойна жестокого наказания. Но, с другой стороны, ребенка принесла к Камню волчица – из тех, кто сопровождает бога Еро. А значит, все свершилось по его воле, и наказывать бедную женщину может только он или сама Праурима.

Если Павила сообщит о своем открытии другим вайделотам и совету старейшин, беды не миновать – жрицу пошлют на костер. Но не принесет ли это племенам ятвягов огромную беду? Перечить богам опасно, а узнать их волю очень сложно, тем более в таком серьезном, необычном случае. И вайделот решил благоразумно промолчать...

Наступил вечер. Это было самое опасное для Сирви время. И не только потому, что в ночные часы на охоту выходили дикие звери, но еще и из-за того, что именно ночью, чаще всего под утро, когда сон особенно глубок, опытные охотники из племени дайнава шли по следам мальчиков и ловили их – сонными, на привале. А не отдыхать было нельзя – силы могли изменить у самой цели.

Сирви нашел небольшую полянку, быстро снял шкурку с зайца, которого добыл по пути, точно метнув копье, и поставил его на костер. Конечно же мальчик хорошо знал, что запах дыма слышен на большом расстоянии, но именно на этом и был построен его расчет. А заодно можно и хорошо подкрепиться, тем более, что с собой соискателям нового имени давали только огниво. (Впрочем, мало кто им пользовался из соображений скрытности.)

Когда его добыча поджарилась, мальчик быстро ее съел – всю, без остатка, хотя зайчище был немаленький. Сирви точно знал, что следующий день – третий – будет самым тяжелым, когда потребуются много сил и большая выносливость, а останавливаться для отдыха будет нельзя.

Покончив с трапезой, мальчик посмотрел на кусочек неба между верхушками деревьев, которое стало темно-оранжевым, – скоро солнце уйдет на покой, ведь светило тоже устает и ему нужен отдых, как и Сирви в данный момент, – и начал устраивать шалашик, в котором обычно почивали охотники. Это сооружение было простым, но весьма эффективным; ни один зверь не мог подкрасться к дайнаву во время сна и напасть на него внезапно, ведь ему прежде нужно было разрушить укрытие охотника.

Сирви устроил шалашик между двух огромных корней высоченного дерева. Он натаскал толстых веток, устроил крышу, закрыл бока и все сооружение замаскировал прошлогодними листьями и сухой травой. Надумай Сирви остаться в шалашике на ночлег, его практически со всех сторон прикрывали бы деревянные стены: сзади – толстый ствол, а по бокам – хитро сплетенные отростки корневищ, усиленные ветками. Самым слабым местом в «обороне» было входное отверстие, и Сирви не только закрыл его охапкой травы, но и напихал в шалашик колючие ветки терна. Он точно знал, что этот кустарник обходят стороной не только волки, но даже тур с его толстой кожей и жесткой шерстью. Лишь медведь иногда лакомился сизыми ягодками терна, да и то старался не забираться в глубь терновых зарослей.

Сирви готовил хитрую ловушку для Войшалка. Конечно же тот найдет и полянку с костром, и заметит шалашик (хотя это непросто было сделать даже светлым днем, а уж ночью неопытный человек и не глянет в сторону небольшой кучки прошлогодних листьев под деревом – так смотрелся шалашик со стороны). Но мальчик точно знал, что сразу – нахрапом – охотники брать его не будут. Ведь никто не даст гарантий, что преследуемый в этот момент крепко спит; к тому же выросшие на природе дети дайнавов обладали не только превосходным слухом, но еще и чутьем на разные опасности. Значит, охотники будут долго подкрадываться к шалашику, иначе их «добыча», почуяв опасность, выскочит из шалашика и даст деру. Попробуй, угонись за быстроногим мальцом, да еще в ночном лесу.

Завершив работу, Сирви продолжил свой путь, хотя в лесу изрядно стемнело. Но он не намеревался провести ночь на ногах. Мальчик искал подходящее дерево, чтобы устроиться на ночлег. Наконец ему попался старый раскидистый дуб, который рос посреди полянки. Сирви быстро сплел из гибкого и прочного хвороста небольшой овальный щит, забрался в густую крону дуба, нашел там две горизонтальные ветки, положил на них свое импровизированное ложе, лег на него (при этом он немного распустил пояс, представлявший собой длинную прочную бечеву, и привязался свободным концом к толстой ветке, чтобы во сне не упасть с дерева) и мгновенно уснул, как засыпают лишь дети или смертельно уставшие люди...

Конечно же Войшелк почуял запах дыма. Скептически ухмыльнувшись, он сказал, обращаясь к Рыжему Лису:

– Чему его только учил Павила... Знать, малец еще не готов стать охотником и воином. Что ж, тем проще будет наша задача.

– Я бы не сильно обольщался на сей счет... – Рыжий Лис, сам хитрец по натуре, всегда видел козни там, где их не могло быть и в помине. – Ты забыл, как появился этот волчонок в нашем племени?

– Хочешь сказать, что его хранят боги?

– И это тоже. Павила говорил, что парнишка подает большие надежды. А он – наставник один из лучших. Ты вот почему не захотел обучать этого мальчика? Павила надеялся на тебя...

– Не нравится мне вся эта история... – пробурчал Войшелк. – С самого начала не нравится. Павиле, конечно, видней, но я бы точно зашил найденыша в мешок и утопил. Старик утверждает, что этого ребенка послал нам сам Еро. А вдруг он ошибается? На нас и так свалилось слишком много бед за последние годы. Сколько людей погибло...

– Что теперь понапрасну сотрясать воздух словесами? У нас одна задача – не дать ему получить Имя. Без него он не войдет в силу. – Тут Рыжий Лис зло хихикнул. – Отправят мальчика к женщинам, пусть научат его крупу толочь и печь лепешки. После такого позора над ним будут смеяться всю его оставшуюся жизнь, даже если через год он все-таки доберется до Танцующего Леса.

– Тогда прибавим ходу... – Войшелк шумно втянул воздух и решительно указал направление: – Туда! Теперь нам читать его следы ни к чему. Ветер повернул в нашу сторону, и запах гари будет слышен, даже если он закидает костер землей.

– И все же я бы придерживался следа. Ты забыл, как он ловко провел нас, когда пошел по каменной гряде? Даже ты попал впросак.

– Хитрый, змееныш... – Войшелк покраснел от гнева – его, лучшего следопыта племени, провел какой-то молокосос!

– Вот и я об этом.

– Но от меня он все равно не уйдет!

– Кто бы в этом сомневался... Но я все же считаю, что запах запахом, а со следа уходить не стоит.

– Будь по-твоему... – недовольно буркнул Войшелк, и следопыты скрылись в лесной чаще, да так бесшумно, что не зашелестели листья густого кустарника и не треснула под ногами ни единая сухая веточка...

Охотники медленно, ползком, приближались к шалашику. Ночь была светлой, – на небе взгромоздилась полная луна, но даже искушенный наблюдатель не смог бы заметить дайнавов, так хорошо они маскировались. Казалось, что на полянке под небольшим ветерком, который поднялся ближе к утру, просто слегка шевелится высокая трава. Чтобы подобраться к шалашику незамеченными, следопыты утыкали свою одежду зелеными ветками и походили на движущиеся кустики.

Как и предполагал Войшелк, мальчишка забросал костер землей. Следопыт лишь криво ухмыльнулся – нет, в этот раз найденыш точно не получит Имя. Даже старые уголья под слоем земли долго будоражат обоняние лесных зверушек. А уж запах свежих и люди хорошо чувят, тем более охотники, которые провели в Пуще большую часть своей жизни. На что малец надеялся, разжигая костер? Это было загадкой, которая поставила Войшелка в тупик. И он стал еще осторожней. В глубине души охотник все же признавался самому себе, что старый Павила не мог не вбить в глупую башку найденыша, что во время бега за Именем нужно соблюдать предельную осторожность.

Обычно мальчишки, соискатели Имени, питались подножным кормом – грибами, прошлогодними ягодами или сырым мясом какой-нибудь дичины. Взрослые охотники племени дайнава, чтобы поддержать силы, могли в случае необходимости есть в сыром виде все, что бегало, летало или ползало в Пуще. А уполевать[9 - Уполевать – добыть, поймать.] добычу при лесном изобилии дичи не представляло для них особого труда. Но дети к сырому мясу привыкали с трудом, и Сирви, похоже, не смог удержаться, чтобы не отведать жаркого.

Шалашик следопыты заметили не сразу. Нужно было отдать должное мальцу – свое укрытие он замаскировал отменно. Тем не менее Рыжий Лис сразу указал на дерево; он и сам бы устроился под ним на ночлег. Но только приблизившись к

дереву почти вплотную, Войшалк увидел невысокий бугорок под корнями и хищно осклабился – есть! Осталось всего ничего – вытащить волчонка из его норы.

Он тихо, как змея, прошипел в сторону Рыжего Лиса: «Он мой!» – и, уже не скрываясь, ринулся вперед. Войшелк отбросил в сторону охапку травы, закрывавшую вход в шалашик («Хитер, стервец!» – мелькнула мысль в голове), резво нырнул внутрь почти по пояс... и с проклятиями отпрянул назад – его лицо и руки были в кровь исцарапаны колючками.

– Что случилось?! – воскликнул удивленный Рыжий Лис. – Где он?

– Убью маленького говнюка! – свирепствовал Войшелк, размазывая кровь по лицу, – он опасался, что поранил глаза. – Нет его! В шалаше один колючий терн!

– Терн?! – Рыжий Лис вытаращил глаза. – Терн... – И вдруг он упал на землю и начал хохотать. – Ой, не могу... Вот это он нас обвел... Ай да маленький стервец!

– Ничего смешного в этом не вижу! – огрызнулся немного успокоенный Войшелк; хвала Еро, с глазами все в порядке.

– Ты сильно поранился, – перестал смеяться Рыжий Лис; он опасался, что взбешенный Войшалк, который не был обижен силой, может наброситься на него с кулаками. – Держи... – Он достал из своей сумки деревянную коробочку с целительной мазью, быстро останавливающей кровь. – Смажь царапины.

– А пошел ты со своей мазью!.. – Войшалк хищно принюхался, словно пытался, как дикий зверь, учуять запах следов Сирви, и указал: – Туда! Надо спешить! Мы потеряли слишком много времени из-за этой обманки!

Рыжий Лис, едва сдерживаясь, чтобы опять не расхохотаться, последовал за ним...

Сирви разбудили птичьи голоса. Он посмотрел на небо и не слез с дерева, а слетел. Скоро должно было взойти солнце, а он намеревался выйти в путь едва начнет светать! Это было большой ошибкой; мальчик точно знал, что теперь Войшалк и Рыжий Лис в лепешку расшибутся, но постараются его догнать.

Значит, ему нужно бежать вперед без остановок, надеясь на удачу и на резвость своих ног.

До Танцующего Леса оставалось всего ничего, когда мальчик интуитивно почувствовал, что его настигают. Он уже добрался до березовой рощи, за которой начинался Лес, и бежать стало легче. Но силы уже были на исходе. Сирви в полном отчаянии припустил так, будто только начал бег, однако вскоре услышал позади треск ломающихся ветвей и топот ног – охотники уже не таились и тоже припустили во всю мочь. А как могут бегать охотники и воины дайнавов, мальчик знал не понаслышке. За короткое время они могли очутиться позади вражеского отряда, который пребывал в уверенности, что воинские порядки дайнавов перед ними, и ударить на него с тыла.

Но вот наконец появилась и Священная Тропа. Она возникла внезапно, будто кто-то бросил под ноги мальчику длинный серый холст. Но Сирви уже едва переставлял ноги от усталости, а сзади был слышен не только топот ног, но и тяжелое дыхание охотников.

Войшелк торжествовал. Вот он, догнали! Несмотря на годы, посеребренные ему виски, он мчался вперед с юным запалом, подстегиваемый яростным желанием настигнуть свою жертву и выпороть наглого мальчика за позор, написанный на лице Войшалка колючками терна. Вот будет смеху, когда они возвратятся в селение...

До мальчика оставалось всего ничего, не более двадцати шагов, как вдруг Войшелк остановился как вкопанный. Рыжий Лис, бежавший следом, едва не уткнулся носом в его широкую спину. Он хотел спросить, что случилось, но, выглянув из-за плеча товарища, сразу потерял дар речи.

На Тропе, словно из-под земли, выросли два огромных волка – самец и самка. Таких зверей бывалые охотники еще не видали – шерсть волков была не серая с рыжинкой, как обычно, а седая, почти белая. Звери стояли спокойно; в их позах не чувствовалась угроза, но следопыты буквально кожей ощущали исходящую от них мощь. На какое-то время все замерли, словно превратившись в каменные изваяния, а затем Войшелк нерешительно поднял копьё.

– Остановись! – умоляюще прошептал Рыжий Лис. – Не надо! Это волки Еро!

Заметив движение охотника, волчица беззвучно обнажила огромные клыки, а затем волки скрылись среди мелкой березовой поросли – будто растворились среди тонких белых стволов. Какое-то время охотники продолжали стоять неподвижно, а затем с облегчением перевели дух, и Войшелк мрачно сказал:

– Все насмарку... Нам его не догнать.

– И хорошо, что не догнали, – ответил ему Рыжий Лис. – У меня что-то совсем пропало желание связываться с этим найденышем. Лучше перетерпеть позор, нежели вызвать гнев богов. Пойдем...

Охотники, с опаской поглядывая по сторонам, не спеша двинулись по Тропе к Танцующему Лесу.

Сирви стоял возле главной своей цели – Священного Дуба, два мощных ствола которого сплелись в кольцо. Ему осталось лишь пролезть через него и тогда он станет полноправным членом племени, одним из его охотников и воинов, – Тем, Кто Заслужил Имя. Он в некотором недоумении бросил взгляд на Тропу – почему его не настигли? Ведь охотники находились совсем рядом.

Они и впрямь были недалеко, но не бежали, а передвигались мелкими шажками, как черепахи. Победно улыбнувшись, Сирви прошел через кольцо и почувствовал, как его тело словно пронзили мелкие иголки. Он даже не сумел от неожиданности сдержать тихий крик. Но ощущение боли быстро прошло, и Сирви совершенно без сил ничком упал на траву и уставился в безоблачное небо счастливыми глазами. Свершилось!

Охотники, наблюдавшие за ним, тоже не сдержали крик – крик удивления и страха: едва Сирви оказался внутри кольца, как Священный Дуб осветился на какое-то мгновение голубоватым светом. Они уже наблюдали прохождение соискателей Имени через кольцо, но такого видеть им еще не доводилось...

* * *

Старый жрец-сейтон, провидец, вознес молитву богам, потряс туесок с гадательными палочками, костями и камешками и высыпал их на круг из чистого, тщательно просеянного речного песка. Павила и другие жрецы

племени, словно по команде, склонились над гадательным полем. За их спинами волновалась толпа; наречение Именем – всегда большое событие, которое заканчивалось пиром. А кто же не любит погулять всласть, да еще и на дармовщину? Ведь столы накрывали отцы тех мальчишек, которые прошли испытание. Их оказалось вместе с Сирви всего четверо из десятка, начавших бег четыре дня назад.

Все с нетерпением ждали, какое имя боги дадут Сирви. Рыжий Лис уже успел рассказать своим приятелям за чашей мёда про волков на Тропе, и найденыш, который и до этого был у всех на языке, вызвал у дайнавов повышенный интерес. Про то, как Сирви обманул Войшелка, Рыжий Лис умолчал; зачем наживать себе лишнего врага? Захочет – сам расскажет.

Картинка, сложившаяся на песке, ни у кого из жрецов не вызвала сомнения; палочки и камешки образовали небо и тучки, а птичьи косточки под ними изобразили крохотного человечка, да так ясно, что не требовалось никаких других толкований. Подарок небес! Небесный Муж! Скуманд!

Павила поднял вверх свой резной посох – знак власти, и зычным голосом крикнул:

– Боги сказали – Скуманд!

– Скуманд! – повторили дружно жрецы.

– Скуманд! – раздались крики в толпе.

И неизвестно, чего больше было в этих криках – радости или страха...

Никто не увидел, как неподалеку от места наречения Именем, среди густых зарослей, появилась женщина. Судя по ее платью, это была вайделотка – жрица богини Прауримы. Пока длилась процедура гадания, она не сводила глаз с Сирви. Услышав его новое имя, вайделотка до крови прикусила нижнюю губу, чтобы не расплакаться, повернулась и ушла в чащу. Спустя какое-то время к ней присоединилась огромная седая волчица, и вскоре их поглотила Пуща.

Глава 2

Воислав

Скуманд пытался отбить нападение Небра, но это у него не очень получалось. Небр был лучшим бойцом племени дайнавов, к которому мальчика отдали в обучение воинскому делу. Его назначил сам Павила, и бывалый вояка вынужден был подчиниться. Небр никогда не ходил в наставниках, так как обладал строптивым, своенравным характером. Да и вообще он терпеть не мог возиться с мальцами. И впрямь, что же здесь хорошего, когда его товарищи пьют пиво в холодке и вспоминают о былых победах, а ему приходится топтаться в пыли под жарким июльским солнцем и изображать схватку на мечах с найденышем.

У Скуманда меч был деревянный, сделанный из прочного корневища дуба, поэтому очень крепкий и весом почти как настоящий, боевой. А Небр небрежно размахивал обычной толстой хворостиной, выломанной в близлежащих кустах, и со злостью, вызванной раздражением, жалил мальчика беспощадно. У Скуманда все тело было в синяках, но он, крепко стиснув зубы, не издал ни единого стога, бегая вокруг Небра, как маленькая собачонка вокруг тура. Небр и похож был на этого зверя – кряжистый, лохматый, черный, свирепый, но гораздо более быстрый и опасный.

Конечно, у обоих были добрые щиты, но Скуманду защита мало помогала. Небр разил молниеносно, выискивая самые уязвимые места. Хорошо, он хоть не бил по голове (это запрещалось), иначе мальчику пришлось бы совсем худо.

После того как найденыш получил Имя, к нему стали относиться с опаской. Если раньше его старались не замечать или третировали (правда, не сильно, опасаясь гнева Павила), то теперь, когда и впрямь подтвердилось, что он «подарок небес», люди при встрече с ним опускали глаза и старались побыстрее пройти мимо. Сверстники тоже не сильно рвались с ним общаться, и Скуманд постепенно становился изгоем в собственном племени.

Из-за отсутствия общения он все больше и больше привязывался к Павиле. Он стал прилежным учеником и постигал науку вайделота с потрясающей быстротой. Знания Скуманд впитывал, как губка. Не будь твердого распорядка, установленного Павилой, он не выходил бы из его просторной хижины, увешанной связками целебных трав и корней, сутками.

Но старик был строг; он знал, как из подающего способности мальчика вырастить себе достойную смену. Поэтому Скуманд по-прежнему ходил на охоту с Галтом и обучался азам боевого искусства под руководством Небра. Ведь вайделот у дайнавов не только простой жрец, а часто воин, и иногда даже предводитель войска. Но для этого нужно много знать, а еще больше – ВЕДАТЬ. Малотого, нужно еще и умело пользоваться веданием, что для непосвященного в принципе невозможно.

– Все мы – дети Солнца – Огня, – втолковывал мальчику Павила. – Огонь – это источник жизни. Для того чтобы он стал священным, нужны сухие чистые дрова, благовония из трав и небольшое количества жира благородных животных – оленя или тура. Знич – Священный Огонь – символ единства мира растений, животных и человека. Сидя у костра или зажигая дома лучину, мы оберегаем себя от зла. Знак Солнца и Огня – наш главный оберег на воинских доспехах, на одежде, в жилище. Но кроме Огня для жизни необходима вода. Из нее рождаются весенние боги, которые несут достаток в семьи, кормят нас и поят. Огонь и вода лечат человека, очищают, оберегают, несут на землю жизнь. Земля – наша Мать, а Небо – Отец. Все в этом мире связано незримыми нитями, и, чтобы знать, за какую ниточку потянуть, нужно ВЕДАТЬ.

Многие слова вайделота были туманными и туго доходили до сознания мальчика, но он упрямо пытался докопаться до их истинного смысла...

– Иди, сопли подотри! – грубо сказал Небр и отбросил хворостину в сторону. – Тоже мне, вояка... Поупражняйся на соломенных кулях, потом приходи, продолжим.

И, беспечно посвистывая, он направился к приятелям в предвкушении приятного времяпровождения.

Скуманд какое-то время смотрел ему вслед, закипая от неведомой ранее злости, а затем мысленно выругал себя, вспомнив, что вайделот учил его владеть своими чувствами, потупился и пошел к речке, дабы смыть пот и смазать синяки и царапины целебной мазью Павилы, после которой даже большие раны заживали очень быстро. Там он встретил прибывшегося к дайнавам три года назад юношу из разбитого тевтонскими рыцарями воинского отряда русов.

В селении его звали Фаслав. Каким было настоящее имя руса, никого особо не интересовало; оно звучало как Фаслав – и этого было достаточно. Он считался слугой вождя племени, престарелого Ящелта, и был на положении полуроба.

Фаслав сидел над обрывом и задумчиво бросал в воду сухие ветки, наблюдая за тем, как они исчезали в мелких водоворотах, которыми изобиловала река. Удивительно, но рус никогда не сделал даже попытки к бегству, хотя мог бы, так как за ним особо не следили. Скорее всего, он небезосновательно опасался следопытов дайнава, которые легко могли его выследить в Пуще. И тогда он всю оставшуюся жизнь проходил бы в колодках. А может, дома Фаслава никто не ждал, и он надеялся, что со временем его примут в боевую дружину дайнавов.

Русов боялись все балтские племена. Когда они на своих узких стремительных лодья появлялись вблизи берега, люди предпочитали удрать, прихватив с собой самое ценное, что не всегда удавалось. Русы были беспощадны; они грабили всех подряд, женщин обычно уводили в плен и брали их в жены или в услужение, а мужчин – тех, кто посильней и помоложе, – продавали на невольничьих рынках. Остальных отпускали, а если им сопротивлялись, то убивали.

Трудно сказать, какого роду-племени были русы. Среди них встречались и норги, и даны, и свеи, и кривичи, и представители других славянских племен. Они жили войной, и их селения у побережья Вендского моря в основном были временными, так как русы большей частью находились в походах. Нередко за лодьей руса тащилась на буксире и лодка (часто не одна) с его домашним скарбом, детьми и женой. Русов охотно брали в свои дружины князя Востока, они служили телохранителями или возглавляли отряды ополчения, обучая набранных с миру по нитке неумех обращению с оружием, в чем русы были непревзойденными мастерами.

Ростом Фаслав был выше всех дайнавов и гораздо светлее лицом. Узкий в талии, широкоплечий, гибкий, с длинными темно-русыми волосами, он был красив, как лесной бог. Многие девушки дайнавов заглядывались на руса, да вот беда, выйти за него замуж не могли. И не потому, что он принадлежал к другому племени (это не было большой помехой, лишь бы новый член племени чтит бога Еро и других богов дайнавов), а по той причине, что ему некуда было привести молодую жену – Фаслав не имел ни двора, ни кола.

– Сидишь? – мрачно спросил Скуманд.

Он со злостью бросил на землю щит и деревянный меч и начал раздеваться.

- Сижу, - откликнулся рус и приветливо улыбнулся.

Почему-то из всех мальчиков селения он особо выделял Скуманда. Когда тот был маленьким, Фаслав вырезал ему разные забавные игрушки из дерева - коньков, лебедей, оленей, а однажды даже соорудил маленький воз с настоящими колесами. Но особенно хорошо у Фаслава получались игрушечные лодьи. Он научил их даже ходить под парусом. Когда Сирви спускал лодьи на воду, все мальчишки селения ему страшно завидовали.

Скуманд разбежался и нырнул с обрыва в реку. Плавал он превосходно; собственно, как и все дайнавы. В Пуще столько рек, речушек и ручьев, что охотнику делать там было нечего без умения преодолевать водные преграды вплавь.

Когда он выбрался из воды, наплававшись вволю, Фаслав заканчивал строгать толстую палку, которая постепенно принимала облик деревянного меча. Взглянув на испещренное синяками тело мальчика, он с чувством сказал:

- Сукин сын этот зазнайка Небр! Он ничему тебя не учит, только избивает.

- Надо терпеть, - мрачно буркнул Скуманд. - Куда денешься...

- А хочешь, я научу тебя настоящему мечевому бою?

- Ты?! - удивился мальчик.

Фаслав весело рассмеялся.

- Ну, не всегда же я был на положении слуги, - ответил он. - Меня в твои годы тоже кое-чему учили. Только вот не били зазря, бестолку. Умение терпеть удары, это, конечно, хорошо, но еще лучше научиться избегать их. Ведь в настоящем бою каждый пропущенный удар - это тяжелое ранение или смерть. Так что лучше бить на упреждение, а если не успел, то нужно защититься или уклониться. Ты быстр, это похвально; это обстоятельство часто спасает тебя от сильных ударов Небра. Но он опытный боец и всегда может предугадать твои

действия, чтобы нанести удар с неожиданной стороны. Я научу тебя, как поставить его в тупик, как обмануть.

– А зачем это тебе, Фаслав? – с подозрением спросил Скуманд.

Рус снова расплылся в улыбке, на этот раз хитрой, и вдруг стал похожим на Рыжего Лиса. У того коварная ухмылочка редко когда покидала физиономию, и все знали, что он только и думает о том, как бы кого обвести вокруг пальца. Знали, тем не менее все равно попадались на его хитрые уловки.

– Просто хочу проучить его твоими руками, – ответил Фаслав. – Я бы и сам это сделал, будь у меня меч, но оружие мне не положено. Даже нож у меня, видишь, какой... – Он показал Скуманду обломок серпа, сточенный почти до рукоятки; им можно было резать только хлеб и мясо и то с трудом, хотя рус точил его каждый день, – больно плохим было железо. – Так что, согласен?

– Да! – загорелся мальчик. – Начнем прямо сейчас!

– Начнем. Я даже меч учебный приготовил. Только сначала смажем твои царапины и синяки мазью вайделота. Это она в коробочке?

– Она.

– Вот у кого бы я постарался выведать секрет приготовления этой чудодейственной мази... Меня он тоже ею лечил. Ты, случаем, не знаешь ее состав?

– Пока нет.

– Вот именно – пока... – Фаслав остро взглянул на мальчика. – Мне Павила, конечно, никогда не скажет, из чего она сделана, а вот тебе может. Поэтому предлагаю обмен: я научу тебя драться на мечах так, как никто среди дайнавов не умеет, а ты добудешь мне рецепт мази. Думаю, это будет по-честному.

– Наверное... но когда Павила узнает, что я открыл чужаку одну из его тайн, меня пошлют на костер как клятвопреступника.

– Дак ить волков бояться – в лес не ходить...

– И то верно. Но все равно, я не могу.

– Ну, как хочешь... – Фаслав отшвырнул деревянный меч в сторону и улегся на спину, подложив ладони рук под голову. – Продолжай терпеть. И чем старше ты будешь становиться, тем сильнее Небр будет тебя лупить. Уж поверь мне. Он считает, что воинскую науку нужно вколачивать мальчикам в башку в прямом смысле этого слова.

Скуманд задумался. То, что Небр его недолюбливает, он знал точно. А уж его «наука», несмотря на холодную речную воду, которая быстро помогает при ушибах, до сих пор дает о себе знать ноющей болью во всем теле, особенно в правом предплечье, которому досталось больше всего. В этот момент ему так сильно захотелось отомстить Небру, что он отбросил все сомнения и колебания. Чему быть, того не миновать!

– Ладно... я согласен, – хмуро сказал мальчик.

– Уговор?

– Уговор!

– Только у меня есть к тебе еще одна просьба...

– Какая просьба? – Скуманд ошетинился; что еще задумал этот рус?

– Меня зовут не Фаслав, как нарекли меня в селении. Мое имя Воислав. Мне оно больше нравится. Будь добр, зови меня Воиславом.

– Чего проще! – радостно воскликнул мальчик. – Воислав... Воислав... Быть по сему!

– Что ж, тогда за дело. Сначала тебя лечим, а потом займемся важным делом. Только не на берегу. Здесь слишком много любопытных глаз. Найдем где-нибудь укромное местечко...

– Я знаю такое место! – загорелся Скуманд.

– Тогда веди...

Селение дайнавов располагалось на вершине длинного холма вдоль неширокой, но коварной речки, изобиловавшей омутами и водоворотами. Оно было окружено двумя мощными валами, насыпанными в незапамятные времена. Еще один вал – третий, совсем новый, – вился по склону холма, ограничивая въезд в селение, причем так хитроумно, что вражеским воинам, которые могли попытаться пройти этой тропой, пришлось бы подставлять под удар копья или дротика, главного оружия дайнавов, свое правое плечо, не защищенное щитом. Его насыпали под руководством Ящелта, когда в Пуще появились войска рыцарского ордена меченосцев. К счастью, они так и не нашли селение, поэтому оно не было разорено, как многие другие.

Жилища в селении были разными – от совсем крохотных столбовых хижин со стенами из плетеного хвороста до весьма просторных домов, сложенных из бревен и разделенных на две-три комнатухи, в каждой из которых находился очаг, окруженный камнями. В холодную пору в нем тлели угля. Кроме того, в жилищах были глинобитные печи для приготовления пищи и выпечки хлеба.

Скуманд не повел Воислава в селение – там точно не спрячешься от людских глаз. Они обошли холм и оказались на границе обширного непроходимого болота, служившего прикрытием защитных укреплений с севера. Но непроходимым оно было только для врагов. Жрецы племени и вождь знали потайную тропу, ведущую в глубь болот. По ней дайнавы, в случае смертельной опасности, могли уйти от врага. Она была обозначена вешками, но их мог заметить разве что опытный взгляд охотника-следопыта, и то, если подсказать ему, где тропа начинается.

Мальчик узнал о тропе от Павилы, который не считал нужным скрывать от своего будущего наследника столь важную тайну. Трудно сказать, как он решился на это, ведь даже главному вайделоту дайнавов такая несдержанность могла принести большие неприятности. Наверное, Павила опасался, что по прошествии некоторого времени старейшины и Ящелт все-таки заставят его избавиться от найденыша и готовил ему путь для бегства. Ведь на странного ребенка, который родился с зубами, можно было свалить любые беды племени и, чтобы избавиться от них, принести его в жертву. Старик настолько уверился, что мальчик подарок – бога Еро, что не мог позволить свершить такое святотатство.

Впрочем, знать, что есть такая тропа, это еще не все. Нужно было хоть раз пройти по ней вместе с теми, кто ее обустроивал. Это были в основном жрецы и старейшины племени. Павила водил Скуманда по тропе несколько раз, и мальчик знал ее, как свои пять пальцев. Конечно, он не сказал Воиславу, что тропа может привести его к свободе. Они прошли совсем небольшое расстояние от твердой земли и оказались на островке, густо поросшем лесом. Там была сооружена просторная хижина с очагом и лавками вдоль стен. Старейшины дайнавов предполагали, что островок послужит временным укрытием для женщин и детей, пока мужчины будут отражать натиск врагов на селение.

Тропа тянулась и дальше, но Скуманд даже не заикнулся Воиславу о ее существовании. Да рус и сам не мог даже предположить, что по болоту, затянутому зеленой ряской, можно пройти. Ему хорошо было известно коварство ятвяжских болот. Он едва в них не сгинул, когда спасался от тевтонцев. Поэтому при одном виде трясины его пробивала дрожь, хотя трусом он не был. Когда он шел вслед за Скумандом, время от времени после неосторожного шага проваливаясь в липкую грязь по колени, его лицо стало белее снега, и мальчик лишь втихомолку посмеивался, сознавая свое превосходство хоть в этом.

– Здесь! – сказал Скуманд, указывая на расчищенную от травы площадку перед хижинкой.

– Отличное место... – удивленный Воислав оглядывался по сторонам.

– Только поклянись, что ты никогда и никому о нем не расскажешь.

– Клянусь...

– Не так! Клянись своими богами. Иначе останешься здесь один, и тебя сожрут болотные твари!

Скуманд стоял у края тропы, ведущей к селению, и не опасался, что Воислав сможет удержать его на островке силой или сделает что-нибудь плохое. Он просто сбежит от него. А самому Воиславу с островка не выбраться. Мысль взять с него клятву пришла в голову Скуманда уже на островке. До этого, захваченный мечтами о своих будущих подвигах (ведь Воислав обещал научить его сражаться на мечах так, как не умеет никто из воинов-дайнавов и потом, разве он мог не

поверить в этом вопросе русу, высокое воинское мастерство которых было у всех на слуху?), мальчик не отдавал себе отчета в том, что совершает ужасный проступок.

– Да будет так, – серьезно сказал Воислав; он уже понял, что мальчик невольно посвятил его в большую тайну дайнавов. – Здесь нет ни щита, ни меча, на котором обычно мы, русы, клянемся. Но я клянусь именем Перуна[10 - Перун – бог-громовержец в славянской мифологии, покровитель князя и дружины в древнерусском языческом пантеоне. После распространения христианства на Руси многие элементы образа Перуна были перенесены на образ Ильи-пророка (Ильи Громовника).], что тайну эту сохраню и никогда не использую ее во вред ни тебе, ни твоим единоплеменникам. Если я нарушу клятву, пусть мне никогда не видать Ирий[11 - Ирий (вирий, вырий) – южные края, куда птицы улетают зимой, сказочная страна, Рай славян.], а мое тело, брошенное, как падаль, расклюют вороны. Достаточно?

– Вполне... – Скуманд облегченно вздохнул; клятва Перуном у русов была самой сильной; об этом ему рассказывал Павила.

– Ну что же, бери свой «меч» и начнем урок.

– А щит?

Воислав снисходительно улыбнулся.

– Щиты дайнавов тяжеловаты для воинов, – сказал он и взял в руки щит Скуманда.

Он был круглый, изготовленный из дерева и обтянутый кожей.

– Такой щит неплохо держит удар мечом или дубинкой, – продолжал Воислав, – но наши щиты можно использовать не только для защиты, но и для нападения. Они меньше, от них не устаешь, и главное – наш щит можно использовать как дополнительное оружие.

– Как это? – заинтересованно спросил мальчик.

- Щиты русов напоминают перевернутую каплю и окованы по краю железными пластинами, которые в нижней – острой – части хорошо заточены. Удар этой частью щита в латы или кольчугу противника неминуемо приводит к опасному ранению. А уж меч довершит все остальное. Я уже не говорю, что будет, если чиркнуть врага щитом по горлу...

- Я хочу такой щит! – загорелся идеей Скуманд.

- Попроси у Павилы нужные для работы материалы – и будет тебе щит на загляденье. Я сделаю. Теперь по поводу мечей. Ты замечаешь разницу между моим и твоим?

- Ну... не знаю. Вроде они похожие. Только твой немного длиннее.

- Верно, длиннее. Но и это еще не все: у моего меча клинок на конце заостренный, тогда как у твоего – закругленный. Смекаешь?

- Нет, – смущенно признался Скуманд и покраснел от досады на свою недогадливость.

Воислав снисходительно улыбнулся.

- Если до этого не дошли умные головы ваших вождей и лучших воинов, то молодому человеку, неопытному в таких делах и необученному, стыдиться нечего, – сказал он и взмахнул своей поделкой, да так мощно и резко, что плотный болотный воздух зашипел, словно его распороли как кусок полотна. – Во время боя, среди толпы товарищей и врагов, бывают моменты, когда нельзя как следует размахнуться, чтобы нанести удар. Но у наших мечей есть острие! Укол в нужную точку на теле молниеносен и смертелен. А мечом с тупым концом можно только сечь, рубить, и его удары в основном на дощечки.

Тогда, если ты не обучен драться без щита, тебе конец. Поэтому я буду учить тебя обходиться в бою вообще без защиты. По правде говоря, иногда щит не помогает, а мешает.

- Этого я и впрямь не знал... – Скуманд нахмурился.

– Теперь знаешь. Я научу тебя таким приемам мечевого боя, о которых воины твоего племени (и не только они, но и немецкие рыцари) понятия не имеют. Только тебе придется здорово потрудиться.

– Я буду стараться!

– Кто бы сомневался... – Воислав хитровато улыбнулся.

Он давно заметил Скуманда. Мальчик ему нравился. Он заметно отличался от своих сверстников. Скуманд был крупнее их, отличался недетской серьезностью и обстоятельностью. Возможно, сказывалось влияние Павилы, который взял его под свою опеку – у вайделота особо не забалуешь. Старого жреца побаивался даже сам вождь Ящелт.

Но главной особенностью Скуманда был взгляд – пристальный, немигающий, жесткий. Воислав знал, что так смотрят волки. Может, Скуманд и впрямь сын волчицы, как шептались сплетницы длинными зимними вечерами, суча пряжу при свете лучин? Громко, во всеуслышание заявить об этом они боялись – наказание за длинный язык, к которому мог приговорить их вайделот, страшило женщин больше, чем «волчонок», получивший приют у костра племени.

Спустя какое-то время над болотом и рошицами, произраставшими на островках среди топей, раздался сильный энергичный стук. Озадаченный дятел, который сидел на высокой березе, каким-то чудом выросшей на болоте, склонив набок свою пеструю голову, с удивлением начал прислушиваться к этим необычным звукам. Неужели у него появился конкурент? Это был непорядок. Дятел уже вознамерился прогнать воришку, нарушившего границы его кормовых угодий, даже крыльями взмахнул от негодования, да уж больно жирные короеды шевелились под корой старой березы (их было очень много, а он был голодный), и дятел решил оставить все разборки на потом. Вскоре его дробь присоединилась к стуку деревянных мечей, и этот шум на некоторое время заставил умолкнуть даже склочное и болтливое племя лягушек, устроившее сход на листьях кувшинок.

Искатели приключений

Несмотря на то что «темные» века в Европе, которые длились с пятого по десятый век новой эры, давно закончились, передвигаться по дорогам в тринадцатом столетии было не менее опасно, чем в прежние времена. Редко кто мог позволить себе преступную беспечность отправиться в дальний путь в гордом одиночестве. Обычно путешественники – большей частью монахи-проповедники разных орденов, странствующие фигляры, солдаты-наемники, ищущие нового хозяина, и нищие попрошайки (в основном калеки, выброшенные войной на обочину жизни) – старались прибиться к купеческому каравану, под защиту вооруженной охраны, или к воинскому отряду, за которым шел обоз с маркитантами.

Тем не менее случались и исключения из общего правила. Именно таким исключением был хорошо упитанный монах-доминиканец, принадлежность которого к ордену Святого Доминика можно было определить издали по кожаному поясу, и который летним днем 1238 года сидел перед костром на небольшой полянке и, с вожделением облизываясь, поджаривал на вертеле косулю. (Она была ранена какими-то охотниками и, выбившись из сил, запуталась в кустах возле дороги, где ее и нашел монах, посчитав животное даром небес.) Жир капал на горящие уголья, и в воздухе носился возбуждающий аппетит восхитительный аромат жаркого. Вращая вертел, монах не забывал прикладывать к походной баклажке, в которой булькала какая-то жидкость. Судя по тому, что после каждого глотка лицо монаха наливалось все более и более густым румянцем, в баклажке явно была не простая вода, а нечто более приятное на вкус и обладающее весьма солидной крепостью.

Полянка находилась на обочине лесной дороги (впрочем, в те времена все пути не могли миновать обширные лесные пространства), которая тянулась вдоль побережья Балтийского моря. Судя по тому, что она была изрядно избита лошадиными копытами, по ней часто передвигались конные воинские отряды. Это предполагало наличие неподалеку одной из крепостей рыцарей Тевтонского ордена. За стеной из вековых деревьев, окружавших полянку, шумел прибой – море находилось совсем рядом. Впрочем, его присутствие ощущалось не только в звуках, не свойственных лесному раздолью, но и в отвратительном запахе гниющих водорослей, выброшенных штормами на берег. Иногда эти миазмы попадали в ноздри монаха-гурмана, и он страдальчески морщился.

Уж так в этот тихий и ясный июньский день получилось, что не только монах решил путешествовать в гордом одиночестве. По той же дороге, приближаясь к полянке с костром, шел молодой менестрель[12 - Менестрель – жонглер – многозначный термин для поэта-музыканта в разные периоды европейской истории. Обычно трактуется как затейник всякого рода – не только поэт и музыкант, но еще рассказчик, шут, фокусник, штукать, акробат. Средневековые странствующие музыканты, сочинявшие музыку для французских трубадуров, труверов и немецких миннезингеров, воспевавших в балладах рыцарскую любовь, служение Богу и сюзерену, поэтизировавших военную жизнь рыцарей и Крестовые походы.]. Его звали Хуберт. В руках он держал обожженную для крепости на костре длинную палку (свое «оружие»), за плечами у него висела выдававшая виды лютня, с левого боку – фляжка для воды, а с правого – нож и сумка с разными принадлежностями его профессии. В те времена менестрель был не только музыкантом, исполнителем песен и баллад, но еще и рассказчиком, фокусником, штукатем и акробатом. Поэтому в сумке лежали странные и непонятные для непосвященных в секреты его ремесла вещи, а также различные порошки в мешочках, без которых у Хуберта не обходился ни один фокус.

Почуввав аппетитный запах жаркого, менестрель поневоле прибавил шаг. Если до этого он шел неторопливо, беззаботно насвистывая какую-то веселую мелодию, то теперь Хуберт уже почти бежал. Беднягу подгонял голод; он не ел со вчерашнего утра, когда его едва не пинками выгнали с постоялого двора, где Хуберт некоторое время питался, развлекая клиентов харчевни, – убогого и гнусного заведения, самым изысканным «блюдом» которого считались свиные потроха.

Хозяин харчевни и постоялого двора предоставил ему кров и еду с условием, что он не будет вмешиваться в процесс игры в кости – главный источник его доходов. (Уж он-то знал, что менестрели в разных играх чувствовали себя как рыба в воде.)

Хозяин держал двух наемных шулеров, которые обыгрывали доверчивых простаков, имевших несчастье переночевать на его постоялом дворе. Хуберт долго крепился, глядя на хитрые уловки мошенников, а затем не выдержал и в отсутствие хозяина сел за стол к игрокам. Спустя недолгое время все их денежки перекочевали в кошелек Хуберта, но тут появился хозяин и сразу все понял. Деньги отобрать он не решился – Хуберт мог постоять за себя, но за ворота постоялого двора выгнал, да еще и натравил на него сторожевых псов.

Хорошо, что менестрель, предполагая нечто подобное, две недели кормил собак кусками мяса, воруя их на кухне. Поэтому, когда псы догнали его в лесочке неподалеку от постоянного двора, то, вместо того чтобы растерзать, начали ластиться. Увы, угостить псов было нечем, и Хуберт лишь вежливо с ними попрощался. Видимо, собаки поняли смысл его проникновенной речи; немного поворчав в досаде, они медленной унылой трусцей побежали обратно...

Притаившись в кустах, Хуберт наблюдал за монахом. Он не стал подходить к нему сразу, и причиной тому была увесистая дубина, окованная металлом, которую монах держал под рукой. Поднаторевший в скитаниях, менестрель знал, что святые отцы не отличаются благосклонностью к попрошайкам, особенно такие, как этот монах-проповедник, каждый день рискующий своей головой. Несмотря на упитанный вид, монах двигался легко и непринужденно; похоже, его грубое одеяние скрывало приличные мышцы и не исключено, что в прежней жизни святой отец был воякой. А это значило, что вместо порции жаркого Хуберт может получить добрый удар дубинкой по башке.

Убедившись, что жаркое готово, монах немного притушил уголья и, подняв голову вверх, начал творить молитву Всевышнему, благодаря за заботу о своей ничтожной персоне. Ведь только благодаря милостям Господа ему удалось заполучить эту благородную дикую козу, которая несомненно поможет ему и дальше нести свет истинной веры погрязшим в дикости и невежестве местным варварам. От экстаза монах прикрыл глаза, и в этот момент блудливая рука менестреля-штукаря метнула в костер мешочек, в котором находился некий хитрый порошок.

Раздался громкий хлопок, и полянку мигом заволочло черным дымом. От неожиданности монах упал, а когда пришел в себя, протер глаза и поднялся, его взору предстало страшное, невысказанное зрелище – тушка косули исчезла! Это было так невероятно, что монах в полной растерянности закрыл глаза и начал читать длинную молитву, отгоняющую бесов. Но и после того, когда он наконец управился с премудрой латынью, жаркое не появилось. Тогда монах, решив, что на тушку косули позарился тот, которого он только что благодарил за его милости, поднял свой негодующий взгляд к безоблачному небу и завопил:

– Господи, не доводи до греха! Не искушай раба своего жестокосердием, ибо он голоден, а на голодный желудок в голову лезут разные дурные мысли, противные истинной вере! Верни то, что тебе не нужно, ведь ты питаешься Святым Духом, а нам, грешным, приходится вкушать мирскую пищу, без которой

человек не может жить!

Голос, который ему ответил, был явно не божественного происхождения:

- Что стряслось, святой отец?

Разъяренный монах обернулся и увидел менестреля, стоявшего на дороге. Хуберт глядел на святого отца с таким простодушным и невинным видом, словно только что его увидел. А уж о том, что он способен на пакости, нельзя было и помыслить.

- Иди себе дальше, сын мой! - резко ответил монах. - Не видишь, я беседую с Богом!

- Как интересно... И что он, отвечает?

- Не твое дело! Катись к свиньям собачьим! - рявкнул святой отец, совсем потеряв самообладание.

- Между прочим, меня зовут Хуберт...

- Да будь ты хоть святым Лукой, мне от этого легче не станет!

- Ну, если уж вы прогоняете Хуберта... - Менестрель кротко вздохнул и сделал вид, что собирается идти дальше.

Хуберт! Наконец имя менестреля дошло до замороченного сознания монаха, и он почувствовал невольную дрожь. Неужто он удостоился лицезреть святого Хуберта - покровителя охотников, который иногда появляется перед людьми из огня?! Ноги у него подломились, но менестрель, зорко наблюдавший за святым отцом, не дал ему рухнуть на колени. Он торопливо молвил:

- Я, конечно, не святой Хуберт, но кое-что могу для вас сделать.

Монах выпрямился, с грустью воззрелся на Хуберта и сказал:

– Беда у меня...

– Если беду разделить с товарищем, то она становится в два раза легче, – назидательно ответил Хуберт.

– Было бы что делить... – монах невольно облизался, вспомнив, как аппетитно пахла запекавшаяся на костре дичина. – Только что на этом костре томилась тушка жирной косули, а теперь ее нет. Исчезла в дыму и пламени, будто ее и не было! Уж не знаю, зачем меня так жестоко наказал наш Господь?

– А может, это козни того, чье имя нельзя произносить вслух?

– Да, скорее всего! – зажегся новой мыслью монах. – Ибо Господь наш милостив, и он никогда бы не обидел сеющего доброе и разумное в этих варварских краях.

«Если под “добрым и разумным” святой отец подразумевает костры, на которых рыцари Тевтонского ордена сжигают язычников, то у меня с ним – серьезные разногласия», – со скепсисом подумал менестрель, не отличавшийся повышенной набожностью.

– Что ж, против разной нечисти у меня есть некие заклинания, которым научили меня сарацины, – сказал он со значительным видом. – Да вот только уместны ли они будут в присутствии такой персоны, как вы, ваша святость?

– Еще как уместны! – горячо воскликнул монах, почувствовав в пустом желудке голодный спазм. – В этом есть, конечно, доля греха... но я заранее отпускаю тебе все твои прегрешения, сын мой, только верни мне мой обед!

– Наш обед, – мягко, но требовательно поправил его Хуберт.

Монах посмотрел на него с подозрением, но лучистые голубые глаза юноши светились такой простодушной наивностью, что он мысленно попенял себя за излишнюю недоверчивость.

– Именно так, сын мой, – наш обед, – ответил монах и добавил с отменным фарисейством: – Ибо делиться с ближним – одна из главных заповедей моего ордена.

– Что ж, тогда приступим...

Менестрель достал из своей сумки деревянную чашу, налил в нее воды из фляжки и, бросив туда белый порошок, начал бормотать какую-то абракадабру. Монах, знаток многих языков, как ни прислушивался, не мог понять ни единого слова. Хуберт не стоял на месте; он начал передвигаться по полянке, все ближе и ближе подходя к обступившим ее деревьям. Неожиданно вода в чашке закипела, забурлила, и из нее повалил белый дым. Монах от страха прикрыл глаза руками, и в этот миг юноша дернул за конец хорошо замаскированной бечевки, свисавший с дерева.

Тушка косули едва не свалилась святому отцу на голову. От удивления у него отвисла челюсть. Чудо! Бродячий музыкант явил ему настоящее чудо!

– Велика милость твоя, Господи! – возопил он в экстазе, поднимая руки к небу. – Благодарю тебя от всей души!

– Ах, как сильно я устал... – томным голосом простонал менестрель. – Мне бы капельку вина, чтобы немного подкрепиться...

– Конечно, конечно! Непременно вина! – с этими словами сияющий монах сунул ему в руки свою вместительную баклажку.

Хуберт присосался к ней, словно телок к коровьему вымени. Глядя, как он пьет, монах забеспокоился и начал проклинать свою глупую щедрость, – ведь можно было плеснуть немного бодрящего напитка в чашу! – но промолчал. В данный момент возвращенный сарацинскими чарами обед весил в его глазах гораздо больше, нежели то, что плескалось в баклаге.

– Уф! – сказал менестрель, возвращая баклажку монаху. – Однако! – продолжил он, вытирая рукавом слезу, которую вышиб напиток необычайной крепости. – Это не вино у вас, святой отец, а жидкий огонь!

Тряхнув баклажку, монах убедился, что в ней еще кое-что осталось, и с облегчением ответил:

– Это не виноградное вино, сын мой, а напиток «аква-вита» – «вода жизни». Лет сто назад его придумал один наш монах, и с той поры мы в своих скитаниях поддерживаем силы этим благородным зельем. Кроме того, аква-вита еще лечит раны, как внутренние, так и на теле.

– Это «вода жизни» вызывает зверский аппетит... – пробормотал быстро опьяневший юноша, пожирая глазами благоухающую тушку косули, которая валялась на траве.

Знал бы монах, как она очутилась на «небесах»... Пользуясь дымовой завесой, менестрель стянул ее вместе с вертелом и, мигом вскарабкавшись на дерево (для акробата это было раз плюнуть), подвесил тушку среди ветвей, прикрепив с помощью узла, который можно было легко развязать, дернув за конец тонкой бечевки, которую он всегда носил в своей сумке – на всякий случай. Нужно признаться, что поначалу менестрель хотел дать деру со своей добычей, но потом решил, что красть у святого человека негоже, и придумал другой, более хитрый ход, освобождавший его совесть от излишнего груза.

Монах и менестрель присели возле «дара небес». Святой отец быстро пробормотал себе под нос короткую молитву, и вскоре на полянке стали слышны лишь чавкающие звуки – и один, и другой работали челюстями с огромным усердием, совершенно не беспокоясь о правилах этикета. Однако завершить трапезу вдвоем и с полным удовольствием им не дали. Лесная дорога в том месте, где находилась полянка с костром, делала крутой поворот, и рыцарь на изрядно уставшей коняге появился перед гурманами совершенно внезапно.

Какое-то время происходил обмен взглядами, а затем рыцарь сказал:

– Мир вам, добрые люди!

«Что-то он чересчур вежлив, – с опаской подумал менестрель. – Клянусь святой Бригиттой, это не к добру!» Ему были хорошо известны бесцеремонные повадки рыцарей, которые смотрели на простолюдинов как на скот.

– *Sicut erat in principio, et nunc est semper, et in saecula saeculorum*[13 - Как было вначале и ныне, и присно, и во веки веков (лат.).]... – прогнусавил в ответ монах, набожно подняв глаза к небу, и перекрестился.

– Позвольте представиться – Ханс фон Поленц... – рыцарь соскочил с седла, притопнул ногой, словно пробуя прочность земляного покрова, и слегка кивнул, изображая поклон.

Он был высок, широкоплеч и совсем юн. У пояса фон Поленца висел длинный меч и нож в кожаных ножнах, к седлу с одной стороны была приторочена тяжелая деревянная булава, усиленная металлическими полосами и шипами, а с другой – небольшой треугольный щит. На рыцаре красовался шлем с забралом (в данный момент поднятым вверх, чтобы явить миру довольно симпатичную мордашу рыцаря, у которого едва начали пробиваться усы) и пластиной, защищавшей затылок и виски. Шлем был надет поверх кольчужного капюшона и застегивался на подбородке. Плотные пригнанные стеганные набедренники и наколенники из толстой вываренной кожи защищали ноги, кольчужную рубаху прикрывал зеленый плащ с темно-коричневой каймой понизу, а обувь служили не металлические, как это принято у рыцарей, а обычные кожаные башмаки, к которым крепились внушительного вида шпоры.

Похоже, юный рыцарь получил их совсем недавно, судя по его платью зеленого цвета, и теперь отправился в мир искать приключений. Наверное, отец Ханса фон Поленца принадлежал к министриалам – небогатым германским рыцарям, имеющим скромные лены – земельные надель. В связи с этим юноше ничего другого не оставалось, как отправиться странствовать, чтобы своими подвигами заслужить себе славу, благодаря которой он мог получить доходное место при дворе какого-нибудь богатого феодала. А еще желательней было привезти из похода ценные трофеи, – лучше всего серебро, золото и драгоценные камни, не занимавшие много места в походной суме, за которые рыцарь мог купить землю и построить свой собственный замок.

Оказалось, что святого отца зовут Руперт. Но представление с обменом именами на этом не закончилось. Едва Хуберт назвал себя, как из-за поворота показался старый поседевший мул, нагруженный доспехами и оружием рыцаря – копьями, дротиками, луком и колчаном со стрелами. Он едва плелся под тяжестью груза, а если учесть, что ему кроме железа приходилось тащить на себе еще и слугу – разбитного, нахального малого, то бедной животине и вовсе нельзя было позавидовать.

– Это мой оруженосец, – сказал рыцарь. – Зовут его Эрих. Прошу любить и жаловать.

Эрих что-то промычал в ответ и устремил голодные глаза на остатки тушки. Нужно сказать, что святой отец и менестрель изрядно над ней потрудились, но на костях еще осталось достаточное количество мяса, и монах гостеприимно сказал, заметив взгляд оруженосца:

- Не согласитесь ли, мессир, разделить с нами эту скромную трапезу?

- Благодарю, с огромным удовольствием! - с воодушевлением ответил рыцарь. - По правде говоря, мы здорово проголодались, но меня предупредили, что охота в здешних лесах - занятие небезопасное из-за отрядов варваров, которые могут появиться в любой момент.

Ханс фон Поленц и его слуга принялись за дело без излишних церемоний, и монах вместе с менестрелем лишь удивленно хлопали глазами, глядя, с какой скоростью тушка косули превращается в груды дочиста обглоданных костей. Отбросив в сторону последний мосол, рыцарь с удовлетворением отрыгнул и приказал Эриху:

- Принеси-ка кувшин с вином и чаши.

Приказание было исполнено с похвальной быстротой. Вино у рыцаря оказалось превосходным, в чем монах и менестрель убедились с преобладающим удовольствием - все-таки аква-вита не могла считаться напитком, утоляющим жажду. «Вода жизни» лишь способствовала быстрому поднятию настроения. Впрочем, рачительный монах не спешил поделиться с рыцарем и его оруженосцем остатками аква-виты, а менестрель благоразумно промолчал, встретив предостерегающий взгляд святого отца.

- Куда путь держите, мессир? - поинтересовался Хуберт.

- В крепость Эльбинг[14 - Эльбинг - крепость (а затем порт и город Эльблонг) в провинции Западной Пруссии, на судоходной реке того же имени, вытекающей из озера Драузен и впадающей в Фриш-гафф. Основана крестоносцами в 1237 году на месте варяжского поселения Трусо. Центр древнепрусской области Помезания.]. Орден тевтонских рыцарей госпиталя Святой Марии в Иерусалиме под командованием маршала Дитриха фон Бернхайма собирается пойти войной на пруссов. Маршал хочет взять прусскую крепость Хонеду[15 - Хонеда - крепость прусского короля Вайдевута (V век). На месте Хонеды тевтонцы

построили замок Бальга. Он стал первым укрепрайоном Тевтонского ордена на территории Пруссии.], но у него людей маловато. Орденский ландмейстер[16 - Ландмейстер – следующая после Великого магистра должность в структуре ордена. Ландмейстер являлся его заместителем. Всего в Тевтонском ордене существовало три ландмейстера – Германии, Пруссии и Ливонии.] Пруссии Герман фон Балк объявил рыцарям, не занятым в Крестовом походе, что он приглашает их принять участие вместе с братьями Тевтонского ордена в походе на пруссов. Вербовщики рассказывали, что ландмейстер обещал хорошо платить...

Монах скептически хмыкнул, но промолчал. Он прекрасно знал, что из всех рыцарских орденов тевтонцы самые скупые. У них кусочек черствого хлеба не выпросишь, не говоря уже о чем-нибудь посуущественней.

– А вы куда направляетесь? – спросил рыцарь, обращаясь к монаху и менестрелю; видимо, он посчитал их приятелями.

Ответил Хуберт, более бойкий на язык, нежели монах-тугодум:

– Ах, мессир! Мы со святым отцом как трава перекаати-поле. Куда ветер дует, в том направлении и мы движемся. Отец Руперт намеревается обращать нечестивых пруссов-язычников в истинную веру, а я ищу тех, кому по нраву веселье и у кого есть деньги в кошельке, чтобы заплатить мне за мои труды.

– Тогда присоединяйтесь к нам, и мы вместе отправимся в Эльбинг. Рассказывали, что крепость хорошо укрепленная, людей там много и более безопасного места в этих местах, чем Эльбинг, не найти. До крепости еще несколько дней пути, а добрые товарищи всегда могут скрасить унылое и опасное путешествие.

– Вашими бы устами, мессир, да мёд пить! – обрадовался менестрель. – По правде говоря, мне несколько жутковато среди этих диких лесов, особенно по ночам. Так и кажется, что пруссы, эти лесные дьяволы, постоянно наблюдают за мной. Вот и сейчас мне показалось, что в чаще мелькнула подозрительная тень. Нов вашей компании, господин рыцарь, я спокоен. Это всего лишь шутки разыгравшегося воображения.

– Истинно так, сын мой, – подтвердил монах. – Господь и рыцарь защитят нас от всех опасностей.

– Что ж, немного отдохнули, пора в путь, – сказал Ханс фон Поленц и решительно поднялся.

– Пора... – монах кисло поморщился и тяжело вздохнул.

После сытной трапезы он обычно почивал часок-другой, но юному рыцарю послеобеденный отдых был не нужен, и святому отцу пришлось смириться с неизбежностью путешествия на сытый желудок.

Вскоре путники, возглавляемые рыцарем Хансом фон Поленцем, отправились дальше, и только тлеющие в затухающем кострище угольки да обглоданные кости косули напоминали о недавнем присутствии человека на гостеприимной полянке. Спустя какое-то время кусты у ее края осторожно раздвинулись, и показался почти голый человек, лицо и туловище которого были разрисованы черной, синей и зеленой красками. Из оружия у него был только нож и небольшой, но очень тугий лук, удобный для лесных жителей – он не цеплялся за ветки.

Опустившись на четвереньки, разрисованный варвар – скорее всего, это был разведчик пруссов – обнюхал человеческие следы, словно охотничий пес, и даже покопался в кучке костей, будто хотел найти там что-то ценное, а затем поправил колчан со стрелами, сдвинувшийся на живот, и неторопливо побежал по дороге вслед небольшому отряду.

Глава 4

Охота на тура

Человека, не приспособленного к жизни в лесах, места обитания ятвяжских племен поражали дикостью, мрачной первобытностью, таившей угрозы, о которых можно было лишь догадываться. Завоеватели, пытавшиеся проникнуть в глубь безбрежного лесного раздолья, на привалах не могли уснуть. Пуща,

обычно мирная и безмолвная в дневные часы (если не считать невинного пения птиц), к ночи оживала, наполнялась таинственными и непонятными звуками. То вдруг среди настороженной тишины раздастся сильный скрежет, словно где-то неподалеку великан шоркает напильником по своему огромному мечу. То послышится вой, да такой сильный и страшный, что его никак не может исторгнуть глотка обычного волка. Опытные охотники, коих немало было среди немецких кнехтов, с трепетом объясняли новобранцам: «Это оборотень-вервольф слоняется по лесу! Держите копыа наготове!» Уханье, фыркание, свист, рев, подозрительные шорохи буквально сводили с ума городских жителей, впервые оказавшихся в Пуще.

Им казалось, что опасность подстерегает отряд за каждым кустом, каждым деревом (а в Пуще росли настоящие великаны в два-три обхвата), в каждом болотце. А если учесть, что воины ятвягов были большими мастерами маскировки и могли часами лежать, изображая трухлявое дерево, или долго сидеть под водой, используя для дыхания полые стебли камыша, то и вовсе следовало призадуматься, прежде чем идти войной на коварную глухомань.

Солдат, решивший отойти по нужному делу в кусты, мог исчезнуть на глазах изумленных товарищей, притом бесследно, словно его прибрал сам нечистый. Бывало, что захватчики возносились прямо на небеса, минуя промежуточные инстанции, ступив ногой в петлю самолота, а иногда смерть ждала их в ручье, когда измученный жаждой вояка пытался наполнить свою флягу. Удар кинжалом из-под воды – и труп бедняги уплывал по течению к ближайшему омуту, где его поджидал огромный сом или какая-нибудь другая речная живность, любительница мертвечины.

Но тому, кто вырос в Пуще, она была матерью, кормилицей и защитницей. В этом был уверен и молодой охотник племени дайнавов, судя по раскраске его лица, который преспокойно почивал на берегу широкого полноводного ручья – фактически небольшой речушки с быстрой водой, укрывшись плащом из грубого полотна, окрашенного в темно-коричневый цвет.

Он дышал так тихо, что на него едва не наткнулась лиса со своим потомством. Она вела изрядно подросших лисят, чтобы научить ловить рыбу в ручье, которая была изрядным подспорьем в лисьем рационе. От неожиданности мягко отпрыгнув назад, лиса некоторое время присматривалась к человеку, а затем, убедившись, что он живой, с сожалением фыркнула, – лежит такая гора мяса, а съесть ее невозможно! – и увела выводок подальше от опасной находки; уж что-

что, а запах остро отточенной стали она чуяла очень хорошо. Он не был таким сильным, как обычно, но на удивительно крупную лису с пышной огненной шкурой уже много раз охотились, и ее хорошо развитый нюх мог уловить даже самый слабый запах, который нес с собой опасность.

Скуманда разбудили три выдры. Они устроили рядом с тем местом, где спал юный охотник, веселую потасовку, пытаясь отнять друг у друга большую рыбину. Гибкие темно-бурые тела выдр сплетались в немыслимые узлы, чтобы тут же, сверкнув серебристыми брюшками, рассыпаться с плеском и брызгами. Уполевать выдру считалось большой удачей, и Скуманд потянулся было за луком, лежавшим рядом, но передумал. Сегодня он настроился на самую знатную дичь Пущи – тура. Этот чуткий, осторожный и очень сильный зверь был под силу только самым выдающимся охотникам, а не таким юнцам, как ученик вайделота Павилы.

Тем не менее Скуманд рискнул. И причиной тому были слова старого жреца, оброненные, словно невзначай, неделю назад: «Если хочешь стать великим человеком, ставь перед собой самые высокие цели и добивайся их, не щадя живота своего». А чем может отличаться юнец в шестнадцать лет, если ему еще рано идти на войну, в набег на прибрежные племена Вендского моря или на тевтонских рыцарей? Осталось лишь попробовать удивить и поразить соплеменников каким-нибудь охотничьим подвигом. И, понятное дело, даже одна-две добытые выдры не шли ни в какое сравнение с туром, королем Пущи, которого опасался даже медведь.

К месту охоты Скуманд добирался почти сутки. И не потому, что оно находилось далеко от селения племени дайнавов. А по той причине, что место обитания тура еще нужно было найти, затем устроить засидку и терпеливо ждать, когда он появится. Притом бык, а не корова; их охотники не били по очень простой причине – они должны давать потомство, ведь туров и так осталось немного. Тур был редким животным даже в дикой Пуще, княжеским зверем, но вольные ятвяги на такие условности не обращали внимания – в своих лесах все они считали себя князьями и номинально подчинялись только своим вождям, старейшинам и вайделотам.

Поэтому юный охотник долго ходил кругами, все расширяя площадь поиска, пока не наткнулся на свежий турий помет. Обычно туры жили небольшими семьями, – несколько коров и телята – но быки в основном предпочитали одиночество, и только зимой звери сбивались в большие стада, чтобы успешно

противостоять хищникам, оголодавшим от зимней бескормицы, а потому бесстрашно, не боясь практически неизбежной гибели, нападавшим на столь грозных противников. По рассказам старых охотников, раньше туров можно было встретить в редколесье, а то и в открытой степи, но нынче они ушли в глухие леса, подальше от человека, который был их главным и самым беспощадным врагом.

Место обитания тура Скуманд нашел ближе к вечеру, поэтому не стал рисковать – к ночи зверь становился вдвойне осторожным. Охотиться на него лучше всего с утра пораньше, когда голодный тур выходил на пастбище. Ночью он отдыхал в лёжке, которую устраивал в такой чащобе, что даже привычные к лесным дебрям охотники дайнавов не могли к нему подобраться бесшумно. А уж слух у тура был отменным. При малейшей опасности он срывался с места и несся по лесу, словно огромный камень, пущенный с крутой горки, ломая на своем пути кусты и небольшие деревца, и попытка убить его на бегу была пустой затеей – толстая шкура быка и железные мышцы отражали стрелы не хуже, чем панцирь.

Помет тура находился на неширокой, но длинной поляне, покрытой густой и сочной травой, и Скуманд был уверен, что зверь обязательно туда вернется. Юный охотник потянулся, разминая мышцы, и не без тревоги посмотрел на небо – будет плохо, если пойдет дождь. В такие часы взять тура практически невозможно.

Казалось бы, чего проще подкрасться к нему, когда все лесные звуки перекрывает шум дождя. Ан нет. Во-первых, тур может остаться в лёжке – зверь не любил дождевое ненастье, и в своем убежище, обустроенном чаще всего в яме под корнями вывороченного бурей дерева, чувствовал себя защищенным от непогоды – как домашняя скотина в хлеву. А во-вторых, во время дождя все его чувства обострялись до предела, и он, наверное, слышал даже то, как крот роет свои ходы глубоко под землей. Малейшее неверное движение охотника – и его вожаделенная добыча помашет ему своими крутыми рогами.

Небо было ясным. Впрочем, это еще ни о чем не говорило. Погода в Пуще менялась с поразительной быстротой: с утра сияет солнце и парит так, что все живое торопится спрятаться от жары в густую тень, а ближе к обеду небо вдруг начинает грозно хмуриться, поднимается ураганный ветер, да такой, что трещат столетние дубы, и, наконец, с раскатами грома и в сверкании молний на землю обрушиваются потоки воды, от которой нигде нет спасения, даже под густыми древесными кронами.

Но вот гроза закончилась, отмытое до прозрачной голубизны небо снова блистает над головой, как драгоценный сапфир, однако лесные обитатели не торопятся покидать свои убежища. Проходит час-другой, и небо снова затягивают серые тучи, солнце пугливо прячется в свои золотоканавые чертоги, и опять Пущу поливает дождь – на этот раз не сильный, но надоедливый, холодный, который может идти весь оставшийся день и всю ночь.

Умывшись в ручье (выдры, завидев охотника, недовольно фыркнули и спрятались в свои домики-пещерки, отрытые в крутом берегу) и подкрепившись куском вяленой дичины (разводить костер на охоте было бы безумием), Скуманд первым делом занялся «веданием» погоды, как учил его Павила, чтобы понять, как ему действовать дальше. Наука это была хитрая, ведать погоду могли немногие вайделоты, но Павила был одним из лучших вещунов, предсказателей погоды.

Сначала юноша посмотрел на воду и с удовлетворением ухмыльнулся. Если рыбы выскакивают из воды, чтобы поймать летающих насекомых, – жди дождя. Но ручей журчал тихо и умиротворенно, и вода лишь струилась, но не шла кругами. Значит, рыба промышляет в глубинах.

После этого Скуманд подошел к муравейнику. Если муравьи прячутся, то в ближайшее время будет ливень. Но ходы в муравейнике были открыты, и неутомимые труженики бодро сновали туда-сюда, таская на себе кусочки зеленых листьев, сухие веточки и прочий лесной мусор – муравьи достраивали свое жилище под новый приплод.

Бодро жужжали мухи, над цветами деловито летали пчелы, нацеливая свои хоботки на капельки медовой росы, туман, стелившийся низко по воде, начал быстро рассеиваться, роса была обильной, пауки усердно плели свою паутину... – в общем, все приметы указывали на то, что день будет сухим и ясным, что сильно порадовало Скуманда. Дело оставалось за малым – затаиться в заранее облюбованной засидке и дожидаться появления тура...

Время тянулось медленно, словно цедило по капле. Так падает в начале весны первый березовый сок в подставленную для его сбора деревянную кадь – кап... кап... кап... Ожидая тура, Скуманд совсем извелся в своем шалашике, который он аккуратно, чтобы не наследить, соорудил из древесных ветвей, – не срезая их, а стягивая и связывая лыком. Эти предосторожности были предназначены не

для зверя, а для человека. Иногда в охотничьи уголья дайнавов забредали лихие людишки из диких племен, которые не подчинялись никому и жили в такой глухомани, что даже бывалые охотники-ятвяги не могли найти места расположения их селений.

Встреча с дикими не сулила ничего хорошего. Чаще всего они убивали дайнавов, но иногда делали их рабами, и тогда участь пленника была горше смерти, потому что он оказывался на уровне бессловесной скотины. Об этом сумел рассказать дайнавам один их соплеменник, которому каким-то образом удалось бежать из поселения дикого племени. Все его тело было в страшных рубцах, нанесенных чем-то острым, один глаз выколот, а на левой руке не хватало двух пальцев. Все дивились его удаче, благодаря которой он обвел вокруг пальца «лесных людей» – обычно так называли этих кровожадных варваров, великолепных следопытов, способных дать фору даже самым лучшим охотникам дайнавов.

Скуманд задумчиво грыз соломинку и вспоминал Воислава. Благодаря его выучке он дрался на мечах гораздо лучше своих сверстников. Мало того, юный ученик вайделота старался не показывать своего умения, и только раз сорвался, когда из длительного похода со славой вернулся Небр. Он практически перестал заниматься со Скумандом, а тот и не настаивал, имея под рукой такого великолепного учителя, как рус. Но когда Небр захмелел на пиру по случаю удачного набега, он вдруг загорелся мыслью как следует вздуть «волчонка», который рос очень быстро, значительно окреп и при встрече с ним не опускал с поклоном глаза вниз, как это было принято по отношению к наставнику, а смотрел прямо, дерзко и вызывающе.

Хорошо, что у Небра хватило ума взять учебный меч, а не хворостину, как он делал прежде. Может, потому, что Скуманд практически сравнялся с ним ростом, и в его движениях уже просматривалась мощь будущего воина, которую Небр при своем значительном боевом опыте конечно же не мог не заметить.

Скуманд вышел в круг с каким-то странным выражением на своем юном лице, не предвещавшем Небру ничего хорошего. Он был в ярости – пренебрежительный, даже уничижительный тон Небра, который лыбился в предвкушении жестокой порки найденыша, вызвал в его душе бурю нехороших чувств. Скуманд сдерживал их лишь огромным усилием воли, как учил его Павила.

– Ярость в бою не должна заглушать хладнокровный расчет, – поучал его вайделот. – Отрешишься от всего наносного, и победа не заставит себя ждать. Ненависть к врагу должна быть до боя. А в сражении она становится помехой.

Примерно так же говорил и Воислав: «Представь себе, что ты один в окружении врагов. Удар может последовать с любой стороны. Поэтому выбрось из головы все лишнее, наносное, – ненависть, жажду славы и, тем более, страх. Мысленно представь себя скалой. Каждый удар вражеского оружия сталкивается с гранью хладного камня, которой является твой меч. Скалу невозможно повергнуть на землю, а значит, бояться тебе за свою жизнь нечего. Ты непобедим! Когда все это ты утвердишь в своей голове, то даже серьезные раны покажутся тебе царапинами, а враги – медлительными, как улитки».

О том, что произошло дальше, долго судачили в поселении дайнавов. Небр сразу же пошел в атаку и принялся лупить деревянным мечом по щиту Скуманда с таким рвением, будто выколачивал пыль из медвежьей шкуры, служившей ему постелью. Естественно, он хотел пройтись своей деревяшкой по ребрам Скуманда, но не тут-то было – на пути самых хитрых ударов Небра неизменно вставал щит «волчонка». Это несколько озадачило бывалого воина, но он не придавал особого значения тому факту, что Скуманд не стремится ответить ударом на удар, а только защищается. По идее, так и должно быть. Кто он, а кто этот найденыш, жреческий выкормыш...

Ученик вайделота ждал, когда Небр выдохнется. Конечно, в настоящем бою тот не стал бы кидаться на Скуманда, словно разъяренный тур. Так делали лишь некоторые воины русов, как рассказывал Воислав, – «одержимые». Они не признавали ни защитного облачения, ни щитов, и шли в бой оголенные до пояса. Обычно перед боем «одержимые» пили какой-то напиток, приготовленный волхвами, а затем впадали в дикую, безудержную ярость. Они наводили страх на врагов одним своим видом. «Одержимые» были нечувствительны к боли, потрясающе быстры – могли уклоняться даже от стрел – и беспощадны. Там, где они проходили по полю сражения, оставался кровавый коридор из посеченных вражеских тел.

Но вот озадаченный Небр на какое-то мгновение отступил, чтобы немного передохнуть, и тут же согнулся от боли – тупой конец Скумандова меча воткнулся ему точно в солнечное сплетение.

– Волчье отродье! – злобно взревел Небр, с трудом переводя дыхание. – Ну ты у меня сейчас получишь!..

Он ринулся на Скуманда с намерением задавить его своей массой. И увидел перед собой лишь желтый речной песок, которым был посыпан круг для учебных боев. Скуманд мягким, но быстрым движением ушел с его пути, сильным и точным ударом меча подсек Небра под колени, и тот со всего размаху шлепнулся на землю. Это был редкий для дайнавов прием, в бою он практически не применялся, но последствия после него были трагическими – клинок перерезал подколенные жилы и противник становился беспомощным. Оставалось лишь его добить. Но обычно никто этого не делал – зачем? От такой раны человек умирал из-за потери крови, а тот, кому все же удавалось выжить, становился безногим или хромым калекой.

Скуманд встал над распростертым на земле Небром, приставил свой меч к его шее и сказал – просто и буднично:

– Я победил.

Небра словно подкинуло вверх. Мало что соображая от дикой ярости, он кинулся на Скуманда, не беспокоясь о защите, – щит Небр выпустил из рук и не стал его подбирать – и заработал мечом как в настоящей битве, совершенно не опасаясь, что может переломать мальчику все кости. И тут народ, сбежавшийся на удивительное зрелище, дружно ахнул – Скуманд тоже отбросил в сторону свой щит. Теперь и он уже сражался по-настоящему. Гибкий, стремительный Скуманд опережал Небра благодаря своей превосходной реакции, над которой Воислав бился полгода.

– Ты не должен думать над тем, как защититься и куда нанести удар! – говорил он, строго сдвинув густые темные брови. – Меч сам все сделает. Удар всегда опережает мысль, запомни это. Пока будешь размышлять, как отразить нападение, противник может убить тебя два раза. Поэтому я и учу тебя разным стойкам и приемам, чтобы ты отработал их до совершенства и чтобы в бою за тебя думала сталь. Лупить, что есть силы, по щиту, конечно, можно. Ты наносишь град ударов, и пусть первый, второй, третий и даже десятый удар не повергли врага, он все равно отступает, он сбился с темпа, пошатнулся, его шлем помят, а то и вовсе сбит, щит изрублен и уже негоден для защиты, сам противник устал, возможно, легко ранен... И такой шанс упускать нельзя. Но впереди тебя ждет множество других врагов, а ты уже изрядно подрастратил

свои силы. Одна твоя победа в сражении ничего не значит. Поэтому лучше закончить бой как можно быстрее.

Скуманд не стал долго играть с Небром. Отбив очередной удар, он снова сильнейшим тычком вогнал свою деревяшку ему под ребра, а когда Небр опять согнулся от боли, стремительно крутанулся и ударил его мечом плашмя по шее. Несмотря на то, что она у Небра была как у быка, бывалый воин снова упал и на этот раз потерял сознание – рука у юного воина благодаря каждодневным упражнениям стала тяжелой. Воислав часами заставлял отрабатывать силу удара на толстом куле соломы, который к концу тренировки превращался в кучку трухи.

После этого Небр старался не встречаться со Скумандом. Ни о каком наставничестве не могло идти даже речи. Небр сильно обозлился на Скуманда. Так опозорить его перед людьми селения! Его, знатного витинга[17 - Витинги – витязи; профессиональные воины у ятвягов и пруссов. Обычно составляли дружину князя или вождя племени, были хорошо обучены, нередко вооружены почти таким же оружием, как и тевтонские рыцари, чаще всего воевали в конном строю.], ткнул физиономией в землю, словно нашкодившего щенка, приبلуда неизвестно какого рода-племени, волчонок, у которого молоко на губах не обсохло. В учебном бою! Это было невыносимо...

А вскоре исчез Воислав. Вождь племени Ящелт был в ярости – потерять такого ценного работника! Лучшие следопыты племени искали следы Воислава в Пуще, но найти не смогли, как ни старались. Он словно в воду канул. Собственно говоря, так оно и было, решил по здравом размышлении Скуманд. Похоже, Воислав все-таки нашел путь через болото. Конечно, до островка тропа, скрытая под водой, была хорошо знакома русу. Ну а дальше он шел по болоту, ориентируясь, скорее всего, по заметам и вешкам. Воислав опознавал их благодаря сходству с теми, что указывали путь к островку.

Скуманд скрыл от всех, что догадался, каким образом Воислав обрел свободу (если, конечно, не утонул в трясине и дошел до твердой земли). Мальчик был уверен, что рус не станет мстить дайнавам за свое незавидное положение в племени.

В плен Воислава не брали, он сам прибился к дайнавам, никто руса не обижал, его кормили, поили, одевали, только оружия не давали. Скуманд считал, что это было большой ошибкой Ящелта – такой сильный воин, как Воислав, мог очень

пригодиться. Но престарелому вождю нужен был работник, вот он и сделал Воислава прислугой.

* * *

Тур появился внезапно и совершенно бесшумно. Как и предполагал Скуманд, он оказался на открытом пространстве в дальнем конце поляны. Юный охотник засидку устроил на противоположном конце турьего пастбища – с таким расчетом, чтобы зверь не наткнулся на него. Как это у тура получилось, – не раздалось ни единого шороха, не затрещала ни одна сухая веточка под копытами животного – Скуманд так и не понял. Наверное, он слишком углубился в свои воспоминания. Юный охотник, который и до этого был неподвижен, мгновенно превратился в каменное изваяние. Казалось, что он даже перестал дышать.

Скуманд смотрел на животное краем глаза. Старый Галт, его наставник по охотничьим делам, говорил:

– Зверь слышит не только тихий шорох твоей одежды, но чует даже запах оружия, которое ты смазываешь жиром, чтобы оно не ржавело. Да, ты тщательно протираешь нож, наконечники копий и стрел перед выходом на охоту, однако этого мало. Оружие нужно окунуть в кипящий отвар полыни и других сильно пахучих трав. Я покажу их тебе. В этом отваре нужно намочить и одежду, им же протереть все тело. Однако главное в охоте на крупного зверя – это взгляд. Никогда не смотри на него прямо, и тем более – в глаза! Уж не знаю как, но зверь улавливает взгляд человека и почти всегда убегает, прежде чем ты прицелишься или подберешься к нему на расстояние броска копья...

Тур был великолепен. Такого красавца Скуманд никогда не видел. Галт учил его находить следы туров, они подбирались к стаду очень близко, но там большей частью были коровы и телята и всего два-три быка. Но они не шли ни в какое сравнение с туром-одиночкой, который вышел на поляну.

Это был мощный зверь с мускулистым, стройным телом высотой в холке около четырех локтей. Большая голова с толстой шеей была увенчана длинными острыми рогами цвета светлого янтаря, отполированными до блеска древесной листвой, которые заканчивались темными верхушками. В отличие от самок и молодых быков, имевших рыжевато-бурый окрас, тур был черный, как смоль.

Лишь подбородок у него был бледно-желтый, да вдоль спины шла узкая светлая полоска. Под густой шерстью, покрывавшей все его тело, перекачивались тугие клубки мышц, толстый хвост с кистью на конце нервно подрагивал, но из предосторожности тур им не пользовался, не хлестал себя по бокам, чтобы не шуметь, хотя едва он появился на поляне, на него сразу же надели слепни. Тур прислушивался и принюхивался. Он не боялся ни одного зверя в Пуще, но что-то его все-таки тревожило. Так продолжалось довольно долго, пока наконец тур не успокоился и с отменным аппетитом принялся щипать травку.

Скуманд облегченно вздохнул. Хвала Еро, зверь его не заметил! Он осторожно поменял позу, потому что затекла левая рука, и приготовился стрелять, как только бык подойдет поближе. Куда целить, он знал точно – под левую лопатку, потому что много раз стрелял в деревянный щит, на котором Галт угольком нарисовал силуэт тура. Художества старого охотника сильно напоминали свинью с рогами, и Скуманд долго не попадал стрелой туда, куда нужно, потому как едва сдерживал смех, который рвался изнутри и мешал точно прицелиться.

И тут случилось то, что никак не мог предвидеть юный охотник. Тур вдруг резко поднял свою огромную голову, прислушиваясь, и в какой-то момент Скуманду показалось, что он бросится бежать. Наверное, так оно и было на самом деле, зверь имел такое намерение, но не успел даже дернуться, потому что из зарослей вылетела сначала одна стрела, затем вторая, и пораженный точно в сердце тур, сделав несколько неверных шагов, упал неподалеку от засидки Скуманда.

Юный охотник был вне себя от злости! Кто посмел отобрать у него такую знатную добычу?!

Ответ не заставил себя долго ждать. Из кустов выскочили трое. Увидев их, Скуманд почувствовал страх. Это были те самые дикари, о которых его предупреждали Павила и Галт! Из одежды на них были только набедренные повязки из звериных шкур, тела они разрисовали черными и зелеными полосами, а давно (может, и никогда) не чесанные черные волосы на их головах напоминали птичьи гнезда. Это сходство усиливалось еще и тем, что у каждого охотника-варвара торчали в волосах гусиные перья: у двоих – по одному, а у третьего – два. Похоже, он был главным, так как сразу принялся командовать. Речи дикарей Скуманд не понимал, но смысл их был ясен.

* * *

Первым делом они устроили ритуальные пляски вокруг поверженного зверя. Для юного ученика вайделота это не было в диковинку; так поступали и охотники дайнавов, правда, только в те дни, когда чествовали богиню охоты Девану и ее лесных помощников – двух огромных волков, – таких, как та волчица, которая принесла дайнавам Скуманда, только темно-серых.

Немного поплясав почти в полной тишине, чтобы не привлечь к себе внимания дайнавов, потому как это были их охотничьи угожья, главный из охотников-дикарей подошел к туше тура, полоснул его ножом по горлу, и в подставленную деревянную чашу хлынула густая, почти черная кровь. Когда сосуд наполнился, он отпил несколько глотков и передал его своим товарищам, которые с видимым удовольствием проделали ту же процедуру. А затем с удивительным проворством и сноровкой они начали свежевать свою добычу.

Глядя на них, Скуманд ощущал, что на место страха приходит тихая ярость – эти варвары лишили его славы! Ведь похвалиться тем, что ему удалось уполевать тура, мог не каждый взрослый охотник. Скуманд по-прежнему старался ничем не выдать себя, потому как знал, что если его обнаружат, то долго ему не жить. Он даже не мог убежать, ведь чуткие дикари сразу же услышат его шаги, а догнать они могут кого угодно, даже оленя, насколько быстро бегали эти варвары.

И все же долго так продолжаться не могло. Дикари на какое-то время утратили бдительность при виде знатной добычи, но вскоре их способности вернуться к ним, и Скуманд совершенно не сомневался, что будет обнаружен – нюх у варваров был поистине собачьим. Как охотник дайнавов ни старался отбить все запахи с помощью травяного отвара, все равно псы их чуюли, а значит, и охотники-дикари почуют.

Занимаясь разделкой туши, охотники-дикари оружие поначалу держали при себе, но когда в их руках оказалось сердце животного, луки и копья были отброшены в сторону, и варвары начали жадно пожирать его, разрезая на мелкие кусочки. И в этом Скуманд не увидел ничего необычного – то же самое делали и охотники дайнавов, потому что к тому, кто съел сердце тура, переходили его сила и бесстрашие.

Заставив себя полностью успокоиться, Скуманд поднял лук и прицелился. Холодная ярость, искавшая выход, наполнила его решимостью – он не потерпит посягательств на охотничьи уголья племени!

Скуманд не промахнулся. Все три стрелы, выпущенные так быстро, что, казалось, стрелял не один человек, а трое, попали точно в цель. Двое варваров были убиты наповал, а третий, успевший шарахнуться в сторону (он услышал звук спущенной тетивы, понял Скуманд), был лишь ранен. Дикарь упал, а затем вскочил на ноги и, преодолевая боль, попытался скрыться в зарослях. Но неумолимый Скуманд не дал ему такой возможности. Еще один выстрел, и длинная стрела с толстым древком и широким наконечником, предназначенная для охоты на крупного зверя, пришила его к стволу дерева, как бабочку.

Юный стрелок из предосторожности не стал выходить на поляну, дабы убедиться, что дикари мертвы. Он опасался, что где-нибудь поблизости могут находиться их товарищи, которые прибегут на шум. Скуманд покинул свой шалашик и тенью заскользил среди вековых деревьев. Какое-то время он опасался, что наткнется на варваров, а затем, немного успокоившись, отбросил все страхи и опасения, и со всех ног помчался к селению – за помощью.

Глава 5

Два плута

Хуберт и монах сидели в изрядно замызганной харчевне предместья Эльбинга, защищенном форбургом – передовой линией укреплений крепости с валами, рвом и подъемным мостом. Слепленную на скорую руку хижину снаружи поддерживали, чтобы она не рухнула, бревенчатые подпорки; ее камышовая крыша протекала и дождевая вода разбавляла скверное пиво в жбанах; мясо было или недожаренное или пережаренное, жесткое, как подметка военного башмака, а две девицы, обслуживавшие клиентов как в самой харчевне, так и за ее стенами, в близлежащем кустарнике, не отличались чистоплотностью и красотой. Тем не менее харчевня Мохнатого Тео пользовалась известностью, и людей в ней всегда было много.

Крепость находилась в устье Вислы и была основана на месте поселения викингов, которое именовалось Трусо. Отсюда начинался так называемый «Янтарный путь» в южные земли. Крепость Эльбинг была центром прусской области Помезания. После долгих и утомительных боев с пруссами и другими прибалтийскими племенами передовой отряд Тевтонского ордена вышел к Фришскому заливу, где и был построен главный орденский форпост – деревянная сторожевая застава, получившая название Эльбинг. Так у ордена появился выход через залив к Вендскому морю, потому что Фришская коса напротив Эльбинга имела пролив. Вскоре на месте заставы выросла крепость с высокими земляными валами и бревенчатым палисадом, и появилось предместье с небольшим рынком, лавками, харчевнями, хижинами ремесленников – кузнецов, шорников, оружейников, плотников, камнерезов и прочая – и примитивной портовой пристанью, где швартовались в основном небольшие рыбацьи посудины.

Нельзя сказать, что после утверждения Тевтонского ордена в Эльбинге жизнь орденских братьев стала безмятежной. Защитники крепости каждый год отбивали многочисленные атаки пруссов, все больше и больше укрепляя завоеванные территории. Обычно при нападениях часть предместья предавалась огню, но едва отряды пруссов скрывались в своих лесах несолоно хлебавши, как на пепелищах быстро вырастали новые строения, словно по мановению волшебной палочки. Конечно же они были неказистыми, в основном временками, но свое предназначение выполняли исправно. Да и люд в Эльбинге был простой, непритязательный: есть крыша над головой, кусок хлеба и кружка пива – и ладно.

Монах был в превосходном настроении. Он оставил на время свое намерение нести свет истинной веры в темные логова язычников и увлекся идеей построения в окрестностях Эльбинга доминиканского монастыря.

– Монастырь будет смыслом моей жизни! – горячился святой отец, не забывая прикладываться к кружке с пивом. – Вечным памятником!

– Да вы, ваша святость, оказывается, не лишены тщеславия, – посмеивался Хуберт. – Но это ведь один из грехов.

– Должен тебе признаться, – доверительно ответил отец Руперт, – на каждом из нас грехов – как на собачьем хвосте плодов репейника. Даже мне иногда... кгм!.. случается согрешить... но в основном чревоугодием! Что поделаешь, человек

слаб, ибо он, хоть и сделан по божьему подобию, несовершенен. Потому-то я и мечтаю построить монастырь, дабы замолить не только грехи человечества, но и свои личные.

– Что ж, по такому случаю не грех заказать еще по кружке пива. Эй, Гретхен, две кружки к нашему столу!

– Ерш тебе в глотку, трепач! – девушка раздраженно поставила на стол две объемистые глиняные кружки, в которых темным янтарем отсвечивало хмельное пойло. – Меня зовут не Гретхен, а Гризелда! Запомни это накрепко, дубина! Иначе в следующий раз получишь кружкой по башке!

– Ах, разве дело в имени? Когда видишь перед собой такую красотку, забываешь не только, как ее зовут, но и где ты находишься. При твоём появлении, фройляйн, мне почудилось, что эта гнусная лачуга осветилась неземным светом и превратилась в прекрасный дворец, а ты показалась принцессой в дорогом платье с кружевами, вся увешанная драгоценными украшениями.

Гризелда скептически глянула на свой изрядно замызганный передник и ответила:

– Да иди ты!.. Сам знаешь куда.

Но в ее голосе уже не было злости.

При первом же появлении Хуберта в харчевне Мохнатого Тео девушка обратила на него внимание. Ей сильно понравился симпатичный разбитной менестрель, который не лез за словом в сумку. Она даже готова была провести с ним ночь бесплатно, но Хуберт оказался в этом вопросе стойким. Все ее неотразимые прелести, которая она старалась выставить напоказ, не произвели на него никакого впечатления, что потрясло бедняжку до глубины души. Что же это такое?! За нее готовы были вцепиться в глотку друг другу добрых полсотни кнехтов[18 - Кнехт – наемный пехотинец незнатного происхождения в ряде стран средневековой Европы.] из гарнизона Эльбига, вполне себе видных мужчин, а тут какой-то петушок пренебрег ее ласками!

А Хуберт лишь веселился, наблюдая, как она злится. И иногда пускал в ход свое красноречие, и льстил ей, чтобы вовсе не довести девушку до белого каления.

Он уже знал из собственного опыта, что страшнее разгневанной женщины могут быть лишь мифические фурии, поэтому сильно не искушал судьбу.

– Однако, святой отец, пора мне и поработать немного, – сказал менестрель, доставая из-под стола свою лютню. – Монастырь, где будет вдоволь еды и напитков, вы построите не скоро, а кушать хочется каждый день...

Как-то так получилось, что монах оказался на содержании менестреля. Почему-то никто из тевтонских вояк не горел желанием кормить его за душеспасительные беседы и проповеди. А уж харчевники оказались в этих диких краях такими прижимистыми, что у них даром нельзя было разжиться даже обглоданными мослами. И Хуберту пришлось кормить новоявленного товарища, который прилип к нему как банный лист с помощью своего богопротивного ремесла. Свой кошелек, набитый выигранными в кости деньгами, штукарь открывать не торопился; глядя на необъятное чрево святого отца, он не без оснований полагал, что при его аппетите их надолго не хватит. Поэтому он держал монаха впроголодь, пуская на еду лишь жалкие гроши, которые он зарабатывал в основном с помощью лютни и песенок фривольного содержания.

Нужно сказать, что Хуберт очень быстро стал в Эльбинге весьма известной личностью. Люди его профессии редко шли вместе с отрядами тевтонских рыцарей с их монашеским укладом жизни. Но за рыцарями тянулся обоз и пешие кнехты, народ простой и непритязательный, который развлечения ценил гораздо больше, чем молитвы. Поэтому почитателей у Хуберта хватало.

Менестрель настроил лютню и ударил по струнам:

Я скромной девушкой была,

Вирго дум флоретам,

Нежна, приветлива, мила,

Омнибус плацебам.

Пошла я как-то на лужок

Флорес адунаре,

Да захотел меня дружок

Иби дефлораре.

Он взял меня под локоток,

Сед нон индецентер,

И прямо в рощу уволок

Валде фраудулентер...

Народ в харчевне оживился, слышались смешки, скабрзные шутки, девицы – помощницы Мохнатого Тео – запорхали среди столов, как птички, выполняя заказы, и пиво полилось полноводной рекой. А Хуберт продолжал разжигать публику, распевая не баллады о героических подвигах рыцарей и платонической любви прекрасных дам, которые были в ходу среди странствующих музыкантов, а уж вовсе непотребные песенки, вводя монаха в смущение. Он негодовал, но втихомолку.

Однажды святой отец вспылил. В резкой форме он приказал Хуберту прекратить богохульствовать и был сильно удивлен его покорностью – менестрель отложил лютню и три дня к ней не прикасался. Все это время монах ходил голодный, как волк, в отличие от менестреля, который втихомолку подъедал на стороне, пользуясь своими денежными запасами. В конечном итоге отец Руперт не выдержал вынужденного воздержания от пищи (не назовешь же полноценной едой те огрызки, которые монах украдкой собирал со столов) и сдался, выгодно использовав известный постулат: «Такова воля твоя, Господи...», тем самым испросив себе и Хуберту отпущение грехов наперед.

Хуберт пел:

Без возлюбленной бутылки

Тяжесть чувствую в затылке.

Без любезного винца

Я тоскливей мертвеца.

Но когда я пьян мертвецки,

Веселюсь по-молодецки,

И, горланя во хмелю,

Бога истово хвалю!

Закончив петь, Хуберт взял свою изрядно помятую шляпу с фазаньим пером (она была чужой; свою он потерял, а эту умыкнул, когда улепетывал со всех ног из харчевни, где к нему очень невежливо отнеслись) и пошел среди столов собирать дань со своих почитателей. Народец в харчевне собрался небогатый, и ждать от него особых щедрот не приходилось, тем не менее в шляпу с тихим шорохом сыпались не только медные монетки, но иногда слышался и ясный звон серебра. Изрядно подпившие клиенты Мохнатого Тео, в большинстве своем кнехты, хлопали менестреля по спине от переизбытка чувств с такой силой, что, когда он вернулся к своему столу, у него в голове будто гудели шмели.

Когда Хуберт сел, к столу подошел сам Мохнатый Тео. Он был кряжист, кривоног и настолько сильно зарос жесткими курчавыми волосами, что напоминал лешего, особенно когда злился и сверкал белками своих огромных совиных глазищ. Сияя дружелюбной улыбкой, как начищенный серебряный пфенниг[19 - Пфенниг - немецкое название средневекового денария. До появления гроша пфенниг был фактически единственной монетой. В XIII веке пфенниг составлял

/

гроша.], Тео поставил перед менестрелем и монахом огромную деревянную миску с мясом и два жбана доброго пива, которое он держал только для друзей и приятелей. С некоторых пор харчевник смекнул, что благодаря менестрелю его доходы резко увеличились, поэтому относился к Хуберту весьма предупредительно - чтобы тот, случаем, не начал столоваться у его конкурентов.

А что же странствующий рыцарь Ханс фон Поленц? Ему было немного легче, нежели менестрелю и монаху. По прибытии в Эльбинг он отправился на прием к орденскому маршалу Дитриху фон Бернхайму, который тут же зачислил его в отряд под командованием весьма известного рыцаря-крестоносца Андреаса фон Штирланда и поставил на довольствие (по правде говоря, весьма скудное). Очутившись в крепости, фон Поленц с головой окунулся в бивачную жизнь: выездка боевого коня, упражнения с мечом, булавой и копьем, а также с луком, хотя рыцари не очень приветствовали этот вид оружия, и постоянные стычки с

оруженосцем Эрихом, который был ленив до неприличия, да еще и вороват. Если Ханс фон Поленц происходил из небогатой семьи министерялов, то Эрих Шваб и вовсе был полной нищетой.

Его род имел древние корни, но с годами сильно обеднел, и у Эриха не было даже надежды стать рыцарем. Отец Ханса сжалился над беднягой и взял его на службу в качестве вассала, что, как выяснилось позже, было его большой ошибкой – Эрих оказался проходимцем в высшей степени. Спустя какое-то время, после очередной выходки новоявленного вассала, взбешенный старик фон Поленц поклялся, что тот будет оруженосцем до скончания века, и Эрих возлагал большие надежды на поход, в котором решил принять участие его молодой господин. Если уж ему не светят рыцарские шпоры, так хоть денежек нужно поднакопить побольше, чтобы купить себе надел земли и построить небольшой замок.

Конечно, много золота и серебра в этих диких краях вряд ли сыщешь, да и богатой одеждой пруссы не блещут, все больше домотканое рваньё, но здесь много янтаря, который ценился на родине Эриха очень высоко. И он старательно рыскал среди пруссов, принявших христианство, выменивая у них на украденные в крепости безделушки (вплоть до наконечников стрел и точильных камней) куски необработанного «солнечного камня». Пруссы тоже были не дураки и знали истинную цену янтаря, но Эрих Шваб быстро смекнул, чем их можно улестить.

С некоторой поры Ханс фон Поленц начал замечать, что вино, которое полагалось ему в виде дополнительного пайка к довольствию, начало убывать из кувшина чересчур быстро. Оказывается, пруссам этот хмельной напиток пришелся больше по душе, чем их густое, похожее на похлебку пиво. И когда Эрих притаскивал на встречу фляжку вина, торговля шла гораздо бойче, а цена на янтарь падала до совсем мизерной.

Состав воинства, которое собрал под свое крыло орденский маршал Дитрих фон Бернхайм, был чрезвычайно пестрым. В нем кроме тевтонцев были рыцари доживавшего последние дни ордена меченосцев, разбитого вначале в 1234 году под Юрьевом-Польским новгородским князем Ярославом Всеволодовичем, а затем добитого в 1236 году литовский князем Миндовгом в битве при Сауле[20 - Сауле – ныне город Шяуляй в Литве.]; несколько рыцарей Ливонского ордена – те же меченосцы, но уже под другим флагом, которых приютил Тевтонский

орден; рыцари Добжинского ордена (или ордена Братьев рыцарской службы Христу в Пруссии), созданного епископом прусским Христианом и пригретого князем Конрадом Мазовецким; а также рыцари – искатели приключений, вроде Ханса фон Поленца, из разных германских княжеств, Польши и Венгрии.

Пока небольшая крепость (она продолжала строиться и расширяться) не могла вместить всех рыцарей с их оруженосцами, кнехтами и слугами, поэтому неподалеку от Эльбинга был разбит воинский лагерь со всеми атрибутами сооружений такого рода: высоким валом с канавой, тыном, воротами, шатрами, коновязью и стражей, как ночной, так и дневной. Дитрих фон Бернхайм не без оснований опасался нападения пруссов, поэтому старался держать воинскую дисциплину на должном уровне, что не всегда удавалось – больно уж разные люди собрались под его знамена со своими привычками, гонором и капризами.

Атмосфера начала накаляться, и хорошо бы отправиться в поход, но войско еще не было готово: не хватало провианта, стрел, дротиков и других необходимых во время войны вещей (кузнецы и оружейники работали сутками, а летучие отряды грабили близлежащие селения пруссов-язычников, забирая почти все съестное).

К тому же Дитрих фон Бернхайм со дня на день ждал водный транспорт, чтобы переправить конных рыцарей и пеших кнехтов к Хонедде – два больших грузовых корабля, обещанных ландмейстером Германом фон Балком. И тогда, посоветовавшись со своими ближайшими помощниками – рыцарями Дитрихом фон Грюнингеном, Андреасом фон Вельфеном и Генрихом фон Геймбургом, – маршал дал указание готовиться к рыцарскому турниру.

Жизнь для заскучавших рыцарей сразу приобрела смысл и засияла яркими красками, и все с жаром начали готовиться к предстоящим поединкам, которые были для них праздником. И пусть среди зрителей на ристалище не будет прекрасных дам, ради которых рыцари были готовы на любой подвиг, зато вполне можно свести личные счеты с недругами, появившимися у рыцарей из-за тесноты и неустроенности военного быта, скверно сказывающегося на настроении всего воинства.

К сожалению, на турнире, устроенном Тевтонским орденом, нельзя было забрать у поверженного противника его коня, оружие и защитное снаряжение, стоившие кучу денег (Дитриху фон Бернхайму в предстоящем походе нужны были именно рыцари и обязательно с полным вооружением, а турнир, по общепринятым правилам, мог изрядно их проредить). Однако компенсация за победу все равно

полагалась. Если у неудачника не будет денег, чтобы заплатить победителю, то все договорились считать платеж отложенным до окончания военных действий. Если рыцарь-должник погибнет, то сопернику достанется все его имущество, а в случае победы он расплатится награбленным добром.

Впрочем, оказаться среди участников турнира, как убедился Ханс фон Поленц, мог отнюдь не каждый. На королевских турнирах для этого нужно было выложить немалую сумму: граф должен был заплатить двадцать марок[21 - Первоначально марка соответствовала 8 унциям и использовалась для измерения веса драгоценных металлов, в основном серебра. Впоследствии на территории Германии появилось множество разных по весу марок – практически каждое княжество имело свою, что сильно осложняло расчеты. Но одна из марок – кельнская – оказалась самой живучей и к XV веку практически вытеснила все остальные. Вес кельнской марки соответствовал 233,856 г. Со временем словом «марка» стали пользоваться для обозначения не только меры веса, но и денежной единицы (счетная марка). Изначально одна счетная марка содержала серебра ровно на одну весовую марку. Но экономные правители постепенно уменьшали содержание серебра, заменяя его более дешевым металлом. В описываемый период марка по весу примерно равнялась новгородской гривне – 204 г.] серебром, барон – десять марок, рыцарь, владевший землей, – четыре марки, а безземельному рыцарю, такому, как Ханс фон Поленц, полагалось внести в казну организатора турнира две марки.

Но Тевтонский орден пошел навстречу пожеланиям рыцарей, многие из которых были бедны, как церковные мыши, и скостил плату ровно наполовину; на большее у орденского казначея не хватило ни духу, ни щедрости.

И все равно даже одну марку бедняга Ханс сыскать не мог. В его почти пустом кошельке звенело несколько ливонских пфеннигов и медь, а продать, кроме Эриха, было нечего. Вернее, не продать, а отдать в услужение к другому рыцарю. За это, конечно, можно получить кругленькую сумму, но как быть без оруженосца?! Свою безысходность он и высказал Эриху, когда тот в очередной раз попользовался его вином – рыцарь все-таки догадался, почему кувшин пустеет с потрясающей быстротой.

– Когда оруженосец – вор, как можно на него надеяться в сложной обстановке? – риторически спросил он у Эриха, доливая остатки вина в свой кубок. – Проще взять в услужение какого-нибудь простака – из тех, что болтаются без дела в обозе, нежели содержать нечистого на руку приближенного. По крайней мере

вороватого простолюдина можно поколотить, как следует, отвести душу, чего я не могу позволить в отношении вашей милости. Но для того, чтобы принять участие в турнире (а я надеюсь на победу!), мне нужна всего одна марка, а где ее взять, уже не представляется сложной задачей. Я знаю, что оруженосцы здесь в цене, так что придется тебе, мил дружок, послужить другому господину.

– Мессир! – возопил Эрих, падая на колени перед столом, за которым сидел Ханс фон Поленц. – Не делайте этого! Да, я виноват, бес попутал. Но ведь мы с вами столько прошли вместе...

– Ну да, ну да... Всего лишь путь от нашего замка до Эльбинга. А до этого ты занимался тем, что уваливал от занятий с оружием, щупал кухарок и пьянствовал с конюхами... – Ханс скептически ухмыльнулся, а затем грозно сдвинул брови. – Я проклял тот час, когда мой батюшка всучил мне такое «добро», как ты! Обжора, лентяй, грязнуля, да еще и жулик, оказывается. Хорошее мне досталось наследство, ничего не скажешь, – никудышный вороватый вассал, который не знает, с какой стороны у меча рукоять. То-то отец распинался, расхваливая твои «достоинства»... Похоже, чтобы избавиться от тебя, он готов был сплясать передо мной. Лучше бы отец дал мне в дорогу доброго жеребца и кошелек с серебром. Нет, все-таки я обойдусь без твоих услуг. Так будет надежней и дешевле.

– Я достану вам марку! Только не обрекайте меня на мучительную участь служить какому-нибудь барону, у которого ни дня не проходит без зуботычин.

– Да ты, оказывается, богат! И то верно – чай, наворовал уже немало.

– Нет, мессир, денег у меня всего ничего, и на четверть марки не наберется, и поверьте, у вас я ничего не брал, только вино... и немного еды. Но я знаю, где найти остальную сумму!

Рыцарь мигом сменил гнев на милость. О способностях Эриха добывать пропитание буквально из воздуха Ханс фон Поленц узнал по пути в Эльбинг. Оруженосец так ловко воровал гусей и кур у крестьян, что даже сторожевые псы не поднимали гвалт. Благодаря его способностям Ханс смог сберечь немного денег, что на первых порах пребывания в Эльбинге здорово пригодилось, так как орденские братья питались скудно и съестное приходилось докупать на

местном рынке. А из-за того, что в Эльбинге народу стало в несколько раз больше, и рыцари со своими отрядами все прибывали и прибывали, цены на продукты выросли вдвое.

– Ладно, на этот раз я прощаю тебя. Но если к завтрашнему дню ты не найдешь мне марку!..

– Мессир, я готов продать душу дьяволу, лишь бы доставить вам радость!

– Что ж, беги. Я отпускаю тебя на сутки.

– Не извольте беспокоиться, мессир! Все будет в лучшем виде!

И Эриха словно корова языком слизала. При всей своей медлительности, которая происходила от лени, он иногда проявлял чудеса сообразительности и потрясающие скоростные качества.

«Похоже, мой “храбрый” оруженосец вместо упражнений с оружием тренировался быстро бегать, чтобы вовремя покинуть поле сражения, когда придется отступать...» – с сарказмом подумал Ханс фон Поленц.

– Экий плут... – буркнул он себе под нос и начал яростно сражаться с жестким куском мяса, который могли прожевать лишь его молодые крепкие зубы.

Обычно братья-монахи и служивые люди Тевтонского ордена обедали в самой крепости, но все остальные столовались отдельно. Им приносили из кухни еду (если можно считать кухней примитивный временный очаг посреди лагеря с тремя котлами, в которых варилась похлебка, и большим вертелом, на котором иногда, то есть редко, запекалась туша быка, если удавалось утащить животных у пруссов, которые прятали их по лесам), и они трапезничали в своих шатрах. Видимо, в этот раз провиантмейстер где-то нашел старого вола, который состоял лишь из одних мышц и сухожилий, и Ханс фон Поленц с невольной тоской вспомнил жирную аппетитную тушку косули, которую ему довелось отведать благодаря милостям менестреля Хуберта и монаха.

Именно к ним сейчас и направлялся Эрих. Где ночевали менестрель и святой отец, он не знал, но ему было известно, что большую часть времени Хуберт и

отец Руперт обретаются в харчевне Мохнатого Тео. Его интерес к попутчикам, с которыми он и его хозяин добирались до Эльбинга, был вызван отнюдь не приятными воспоминаниями, связанными с менестрелем, всю дорогу услаждавшего их слух игрой на своем музыкальном инструменте и пением рыцарских баллад; Хуберт знал, чем потрафить юному Хансу фон Поленцу, жаждавшему подвигов во имя прекрасной дамы, которой у него, увы, пока не было. Бедняга Ханс был согласен даже на пастушку, но в замке отца не нашлось ни одной смазливой простолоудинки, которой он мог бы заинтересоваться.

Эрих, лентяй и лежебока, с виду медлительный и нерасторопный, обладал острым взором, способностью подмечать мельчайшие детали в облике и поведении человека, на которые другой на его месте не обратил бы никакого внимания, и, когда нужно, действовать стремительно и безжалостно. В отличие от монаха он быстро определил, что Хуберт прячет под одеждой увесистый кошелек и что в нем находится серебро. Эрих даже ухитрился среди ночи на очередном привале прощупать накопления менестреля, чтобы удостовериться в своих выводах, но Хуберт спал очень чутко, и срезать кошелек не удалось. Да и опасно это было, потому как вора тут же вычислили бы. Мало того, менестрель словно почувствовал интерес оруженосца к его кошельку – стал посматривать на него с подозрением и не подпускал близко.

И теперь у Эриха стояла задача или как-то выманить эти денежки у Хуберта или просто украсть. Но шуткарь тоже был не лыком шит, и то, что проходило с каким-нибудь туповатым кнехтом, крестьянином или варваром-пруссом, с менестрелем вряд ли пройдет.

Конечно же менестрель и святой отец толклись в харчевне Тео. Обычно народ сюда приходил ближе к вечеру, поэтому людей было немного, и Хуберт не играл на публику, а просто меланхолично трогал струны своей лютни и тихонько напевал что-то душещипательное:

В утренней рани почудилось мне:

Сторож запел на зубчатой стене...

Слышишь, дружок?

Утро уже протрубило в рожок —

Та-ра-ра-ра!

Значит, пришла расставанья пора...

- Эй, кого я вижу! - фальшиво обрадовался Эрих. - Мои добрые товарищи!

- Попрошайка на паперти тебе товарищ... - тихо буркнул себе под нос Хуберт.

Но тут же изобразил лучезарную улыбку, когда услышал следующие слова оруженосца:

- Гризелда, милая девочка, принеси нам по кружке пива! - Эрих потряс кошельком перед носом недоверчивого менестреля, которому вовсе не хотелось поить плута за свой счет. - Я плачу!

- Никак кого-то зарезал в темном углу? - насмешливо поинтересовался менестрель.

- Как можно?! - делано возмутился Эрих. - Нам выдали денежное содержание, - соврал он, не моргнув глазом.

«Милая девочка» принесла пиво и со злостью грохнула кружками о стол. Она была сильно разозлена. Вчера вечером Гризелда впервые не потребовала за свои услуги платы наперед, и недавно прибывший в Эльбинг со своим господином смазливый кнехт, видимо, решил, что ее прелести идут в придачу к ужину. А возможно, он подумал, что девушка без ума от его внешности. Как бы там ни было, но кнехт исчез быстрее, чем пивная пена в кружке, не заплатив Гризелде ни гроша.

- Эх, хорошо! - воскликнул Эрих, поглаживая живот, когда кружка показала дно. - А жизнь-то налаживается!

- У кого как, - сдержанно ответил менестрель.

Он все еще не верил в щедроты оруженосца и ждал какого-то подвоха. Но Эрих заказал еще по кружке (а пиво у Мохнатого Тео было крепким, забористым) и сыпал шутками да прибаутками, как из рога изобилия. Постепенно Хуберт успокоился, изгнал прочь нехорошие мысли и даже спел свою любимую песенку:

...Собрались в харчевне гости.

Этот пьет, тот – жарит в кости.

Этот – глянь – продулся в пух,

У того – кошель разбух.

Все зависит от удачи!

Как же может быть иначе?!

Когда он закончил петь, Эрих сказал с невинным видом:

– А и впрямь, не сыграть ли нам в кости? Как-то ведь нужно убить день до вечера, благо сегодня моему господину не до меня – маршал собрал всех рыцарей на совет.

– Хорошая мысль! – с воодушевлением ответил менестрель.

Он был большим мастером игры в кости, и кошелек оруженосца, в котором явно звенело серебро, не давал ему покоя. Эрих не был ему ни другом, ни товарищем, он принадлежал к высшему обществу, несмотря на свое скромное звание оруженосца, поэтому его и обжульничать не грех, со спокойным сердцем решил Хуберт.

– Попросим кости у Тео, – сказал менестрель.

– Зачем? У меня есть свои... – Эрих достал из-за сумки, которая висела у пояса, бархатный мешочек и высыпал на стол два кубика слоновой кости.

Они были великолепны; их явно делал хороший мастер, а не какой-нибудь криворукий ремесленник.

– Что ж, начнем... – Хуберт решительно отодвинул пустые кружки в сторону, освобождая пространство для игры. – Святой отец, не желаете ли составить нам компанию? Готов ссудить вам монету-другую.

– Изыди, соблазнитель! – Монах истово перекрестился. – Ты разве забыл про эдикт императора Священной Римской империи короля Фридриха, выпущенный им в 1232 году, который запрещает эту богомерзкую игру? Ведь всем известно, что единица – это грех против единого Бога, двойка – против Бога и Богородицы, тройка – грех против Троицы...

– Ваша святость, мы находимся не в Германии, а в Пруссии, на которую власть германского императора не распространяется, – дерзко заявил менестрель. – А что касается грехов, так ведь есть такая великолепная штука, как покаяние, я уже не говорю об индульгенции. Вообще-то неплохо бы иметь кости, придуманные два столетия назад епископом Уибольдом Уэльским. Вместо количества очков на гранях костей изображались символы добродетелей, а выигравший должен был направить на путь истинный того человека, который потерпел поражение. Думаю, такие кости, святой отец, пришлись бы вам в самый раз. Сколько грешных душ могли бы прийти к истинно христианским ценностям под вашим чутким руководством... – В его голосе явственно слышался сарказм.

Отец Руперт лишь гневно фыркнул, но промолчал. Он догадывался, что менестрель безбожник (хотя этого хитреца трудно было вывести на чистую воду), но взять над ним верх в теологических спорах монах не мог. Хуберт был недоучившимся студентом и обладал такими познаниями о самых разных вещах (в том числе и касательно веры), которые не шибко грамотному святому отцу и не снились.

Словно в пику ему, менестрель, прежде чем начать игру, прочитал мигом сочиненные стихи:

Один жонглер несчастный жил,

В отрепьях жалких он ходил.

Не знаю, как жонглер тот звался,

А в кости лихо он сражался!

Игра началась и вскоре пошла не так, как хотелось Хуберту. Сначала он обрадованно потирал ладони, потому что удача явно была на его стороне – Эрих проигрывал с завидным постоянством. Оруженосец горячился, бросал костяные кубики неловко, суетливо, затем заказал еще по кружке пива, и выпил свою

одним духом... – в общем, Хуберт наблюдал типичную картину действий слабого игрока, у которого мастерства ни на грош. Менестрель лишь посмеивался не без некоторого высокомерия, глядя на вспотевшего от волнения оруженосца.

И неожиданно в какой-то момент Фортуна отвернулась от Хуберта. Вроде все было, как прежде, – Эрих суетился, совершал какие-то нелепые движения, строил гримасы, вытирал пот со лба рукавом, ахал, охал, – но кости стали ему послушны, как домашние собачки. Как ни старался Хуберт, а оруженосец все равно набирал большее количество очков.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Вендское море – так в Средние века называли Балтийское море; а еще Морем Ругов (русов-рутенев).

2

Ятвяги – один из наименее изученных народов на территории Восточной Европы; он входил в балтийскую группу народов вместе с аукштайтами, жмудью, земгалами, пруссами, скальвами, надравами, галиндами, куршами и латгалами. Часть этих народов впоследствии сформировала литовско-белорусский этнос, часть – латышский.

3

Тевтонский орден – полное название «Орден дома Святой Марии Тевтонской в Иерусалиме», известен также как «Орден крестоносцев»; немецкий духовно-рыцарский орден, учрежденный в 1190 г. в Акре, где паломники из Любека и Бремена создали госпиталь, вскоре перешедший под патронат немецкой церкви Св. Марии в Иерусалиме. В 1196 г. крестоносцы императора Генриха VI преобразовали госпитальное братство в рыцарский орден, открытый только для немцев. Орден был подвластен папе римскому и императору Священной Римской империи, имел большие земельные владения в Германии и Южной Европе. В начале XIII в., после объявления Северного крестового похода, орден перебазировался из Палестины в Прибалтику.

4

Балты – балтийские (балтские) племена. Заселяли в I–II тыс. н. э. территории от юго-запада Прибалтики до Поднепровья и междуречья Москвы и Оки. До начала нашей эры составляли вместе со славянами балто-славянскую этноязыковую общность. Западные балты – пруссы, ятвяги; племена центральной группировки балтов – курши, земгалы, селы, латгалы (предки латышей), жемайты и аукштайты (предки литовцев). Восточные балты – голядь, племена Верхнего Поднепровья и др., ассимилированные восточными славянами; вошли в состав древнерусской народности на рубеже I–II тыс. н. э.

5

Локоть – старинная единица измерения длины, не имеющая определенного значения и соответствующая расстоянию от локтевого сустава до конца вытянутого среднего пальца руки; примерная длина 1 локтя = 45–50 см.

6

Вайделот – общее обозначение языческих жрецов у балтских народов (ятвягов, пруссов, литовцев, латышей), распространившееся позже и в других языках. В источниках встречаются названия многих разновидностей вайделотов: вуршайты (жрецы непосвященные), лингусоны и тулусоны (погребальные жрецы), швальгоны (свадебные жрецы), путтоны (гадальщики по воде), пуστοны (лечили дуновением), вейоны (прорицатели по ветру), жваконы (прорицатели по пламени и дыму), сейтоны (прорицатели по амулетам), зильнеки (прорицатели по полету птиц), звайждиники (астрологи), вилкаты (оборотни, волколаки) и пр.

7

Еро – то же, что и славянский бог Ярило; Еро – бог весны, ярый бог пробуждающейся природы и вешнего света, воплощающий ее плодородные силы.

8

Праурима – богиня, хранительница домашнего очага у прибалтийских племен; соответствовала греческой Гекате, римской Весте, славянской Жели и индийской Соме.

9

Уполевать – добыть, поймать.

10

Перун – бог-громовержец в славянской мифологии, покровитель князя и дружины в древнерусском языческом пантеоне. После распространения христианства на Руси многие элементы образа Перуна были перенесены на образ Ильи-пророка (Ильи Громовника).

11

Ирий (вирий, вырий) – южные края, куда птицы улетают зимой, сказочная страна, Рай славян.

12

Менестрель – жонглер – многозначный термин для поэта-музыканта в разные периоды европейской истории. Обычно трактуется как затейник всякого рода – не только поэт и музыкант, но еще рассказчик, шут, фокусник, штукать, акробат. Средневековые странствующие музыканты, сочинявшие музыку для французских трубадуров, труверов и немецких миннезингеров, воспевавших в балладах рыцарскую любовь, служение Богу и сюзерену, поэтизировавших военную жизнь рыцарей и Крестовые походы.

13

Как было вначале и ныне, и присно, и во веки веков (лат.).

14

Эльбинг – крепость (а затем порт и город Эльблонг) в провинции Западной Пруссии, на судоходной реке того же имени, вытекающей из озера Драузен и впадающей в Фриш-гафф. Основана крестоносцами в 1237 году на месте варяжского поселения Трусо. Центр древнепрусской области Помезания.

15

Хонедра – крепость прусского короля Вайдевута (V век). На месте Хонеды тевтонцы построили замок Бальга. Он стал первым укреплением Тевтонского ордена на территории Пруссии.

16

Ландмейстер – следующая после Великого магистра должность в структуре ордена. Ландмейстер являлся его заместителем. Всего в Тевтонском ордене существовало три ландмейстера – Германии, Пруссии и Ливонии.

17

Витинги – витязи; профессиональные воины у ятвягов и пруссов. Обычно составляли дружину князя или вождя племени, были хорошо обучены, нередко вооружены почти таким же оружием, как и тевтонские рыцари, чаще всего воевали в конном строю.

18

Кнехт – наемный пехотинец незнатного происхождения в ряде стран средневековой Европы.

19

Пфенниг – немецкое название средневекового денария. До появления гроша пфенниг был фактически единственной монетой. В XIII веке пфенниг составлял

/

гроша.

20

Сауле – ныне город Шяуляй в Литве.

21

Первоначально марка соответствовала 8 унциям и использовалась для измерения веса драгоценных металлов, в основном серебра. Впоследствии на территории Германии появилось множество разных по весу марок – практически каждое княжество имело свою, что сильно осложняло расчеты. Но одна из марок – кельнская – оказалась самой живучей и к XV веку практически вытеснила все остальные. Вес кельнской марки соответствовал 233,856 г. Со временем словом «марка» стали пользоваться для обозначения не только меры веса, но и денежной единицы (счетная марка). Изначально одна счетная марка содержала серебра ровно на одну весовую марку. Но экономные правители постепенно уменьшали содержание серебра, заменяя его более дешевым металлом. В описываемый период марка по весу примерно равнялась новгородской гривне –

204 г.

Купить: https://tellnovel.com/ru/gladkiy_vitaliy/vaydelot

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)